

Историческая справка. В начале двадцатых годов Смоленская губерния состояла из 13 уездов. Деревня Гвоздевицы с 1918 года по 1924 год находилась в Иньковской волости Демидовского уезда. С 11 февраля 1924 года до 1927 года входила в Касплянскую волость Демидовского уезда, в 1927–1928 годах – Смоленского уезда. С 1929 года в составе Зарубинского сельского Совета Касплянского района Западной области.

По состоянию на 1925 год в Демидовский уезд согласно данным губернского статистического ведомства входило 6 волостей, где действовали 62 сельских совета. Число населённых пунктов составляло 1392, в которых имелось 26662 крестьянских хозяйства, а всего проживало населения 157221 человек.

Недовольство крестьян политикой военного коммунизма. К концу Гражданской войны в рядах самой ВКП(б) стало проявляться разочарование политикой военного коммунизма, которая всё больше лишала большевиков общественной поддержки. Наиболее ярко это проявилось в событиях лета 1920 – весны 1921 годов (Кронштадтское восстание и крестьянская война под руководством А.С. Антонова), имевших антикоммунистическую, но не антисоветскую направленность. Таким образом, необходимость смены внутренней политики диктовалась не только угрозой голодной смерти и разрушения всех устоявшихся общественных структур, но и желанием большевиков сохранить власть, что невозможно было без её поддержки, по крайней мере, значительной частью населения.

Политическая сводка сведений, почерпнутых из корреспонденций, просмотренных отделением военной цензуры при особом отделе Запфронта (Смоленская губерния) за время с 11 по 26 ноября 1920 года.

Здесь представлены краткие выдержки из писем, направленных солдатам действующей армии их родными.

«Порядок у нас плохой, если не сдашь, скот отбирают, несмотря на то, что у нас самая голодная волость... Забрали у нас скот и говорят, что надо кормить Красную Армию, а ты пишешь, что дают тухлую воблу. Говорят, что власть рабочего и крестьянина, а жмут на каждом шагу, даже слова нельзя сказать...» «У нас идет реквизиция за реквизицией, так что жить становится невозможно...» «В нашей местности деревенцы повсеместно восстают против продармейцев и не дают продовольствия. Вспышки появляются очень часто...» «Живется плохо, потому что все забирают в Совет, забирают последнее...» У нас в деревне большие болезни. Очень много умирает...» «В бараках творится что-то ужасное. Хоронят по 10 человек в день, мрут как мухи, говорят, что в бараках зараза ужасная...» «У нас большая эпидемия возвратного тифа, больные находятся в ужасном положении...» «Реквизиция сильная, грабежом и оружием».

Очевидно, что к 1920 году уже существовала достаточно разветвленная бюрократическая структура военной цензуры. В те годы, как можно понять из документов, военнцензурное отделение находилось в составе Особого отдела фронта и тесно сотрудничало с Организационно-инструкторским отделом ЦК РКП(б), с орготделом Политуправления фронта и, конечно, с ВЧК.

Мобилизация сил новой власти против контрреволюции. Несмотря на то, что прямых боевых действий в период Гражданской войны на территории нашей губернии не велось, обстановка была беспокойной. Фактически здесь также шла Гражданская война. Ну, как назвать действия, когда уничтожались деревенские активисты, терроризировалось местное население, делались налеты на советские учреждения. В свою очередь отряды красноармейцев, ЧК также терроризировали то же самое население. Правда, в здешних местах не нашлось таких крупных фигур, подобных Деникину, Колчаку или, наконец, таких как крестьянский вожак Нестор Махно со своими знаменитыми тачанками с тем, чтобы возглавить масштабное крестьянское сопротивление. Чтобы дискредитировать стихийную борьбу с режимом власти, наклеили на проявление недовольства населения ярлык бандитизма. Был, конечно, распространен, как явление и уголовный бандитизм в чистом виде.

Массовое дезертирство из рядов Красной Армии продолжалось. В июне 1919 года губернским властям даже пришлось создать специальный орган по борьбе с дезертирами – «Смолгубкомдезертир». В Демидовском уезде, как структурное подразделение губернского, действовал такой же комитет. Аналогично работали комиссии по борьбе с трудовым дезертирством.

Обстановка в уезде была настолько беспокойной, что даже местная комсомольская организация встроилась в военный ритм.

*Постановление № Z уездной военно-мобилизационной тройки города Демидова
об объявлении военного положения.
1920 год*

1. В настоящее время все организации РКСМ Смоленской губернии должны быть объявлены на военном положении по постановлению губтройки.

2. Уездтройка Демидовской организации, согласуясь с постановлением № 4 губтройки, объявляет Демидовскую организацию на военном положении и постановляет мобилизовать всех членов-мужчин от 16 до 23 лет для прохождения военного обучения (исключению подлежат лишь строевые красноармейцы).

3. В силу этого, при Демидовской организации учреждается отряд особого назначения, руководителем которого назначается т. Казаков – для занятий по военному обучению.

4. Для руководства обучением выделяется штаб отряда, в который входят т.т. Ломоносов, Кандеев, Шугинин, Казаков, Лябихов. Начальником штаба назначается т. Ломоносов, отвечающий за весь ход обучения перед уездтройкой и губкоммолком.

5. Не проходившие военного обучения или слившиеся с товарищами, родившимися в 1903 году, занимаются отдельно (по усмотрению военрука).

*Приказ уездной
военно-мобилизационной тройки
по Демидовской организации РКСМ.
1920 год*

Положение на Западном фронте заставило поставить работу в союзе на военный лад и начать военную подготовку, дабы оказать большее содействие в обороне Республики.

Для этой цели в губернии и по уездам при организации РКСМ созданы военно-мобилизационные тройки.

Демидовская военно-мобилизационная тройка, работая в местности, где более чем в какой-либо иной развиты бандитизм и дезертирство, решила оказать самое активное содействие к искоренению этих зол, а потому объявляет всех членов Демидовской организации РКСМ от 16 до 23 лет мобилизованными в отряд особого назначения при союзе и приказывает явиться 21 мая 1920 года к зданию военкома для обучения военному делу. Явиться к 6 часам.

За неисполнение сего приказа виновные члены союза будут исключаться из союза, арестовываться и предаваться суду.

Н-к штаба ООИ РКСМ Члены тройки

(ГАНИСО, ф. р-140, оп. 1, д. 5, л. 59. Подлинник).

О проблеме бандитизма в уезде. Как прифронтовая территория губерния находилась на военном положении, действовал военный трибунал. Несмотря на наличие Военного Совета по борьбе с бандитизмом в уезде, власть с трудом удерживала ситуацию под контролем. Продолжались убийства должностных лиц советской власти и активистов. Так, 21 апреля 1921 года, нарвавшись на засаду при преследовании банды, был убит начальник уездной милиции Н.А. Чистяков с двумя милиционерами. К борьбе с бандами подключились армии Западного фронта. Приказом № 1009 от 27 мая 1921 года объявлялось, что бандиты, не сложившие оружие, будут подвергаться единственной мере воздействия – расстрелу, а их семьи выселяться за пределы губернии. То же предупреждение касалось волостных и уездных представителей власти, заподозренных в связях с бандитами. Случаи связи представителей власти с бандитами являлись весьма частыми, так как последние были, как правило, местными жителями, состоящими в дружеских, приятельских отношениях или связанные кровными узами с сотрудниками волостных комитетов и уездных органов власти и управления. Банды своевременно оповещались о готовящихся против них акциях и уходили в лес. Леса в Демидовском уезде такие, что и в годы Великой Отечественной войны гитлеровцы так и не смогли взять их под полный контроль. Так, в августе 1921 года возбуждено уголовное дело против членов шайки Барабанова. Отличительной чертой банды явилось то, что ее члены являлись внештатными сотрудниками Демидовского политбюро. Бандиты приезжали на хутора, проводили обыски, конфискации, аресты. За взятки освобождали арестованных лиц.

Терроризируя население, банда смогла просуществовать довольно долго, так как ее члены имели связи в Демидовской ЧК и Смоленской губчека. На основании постановления коллегии Смолгубчека от 2 февраля 1922 года девять членов банды во главе с Барабановым были расстреляны.

Мало того, кроме вышеперечисленных органов, ЧК и милиции против банд и разного рода дезертиров в губернии с 1921 года дополнительно действовали коммунистические отряды особого назначения.

Для отбытия наказания имелся свой концентрационный лагерь. Поскольку концлагерь не располагал ни отведённой для проживания сидельцев территорией, ни материальной базой, то людей, помещённых в него, содержали в основном в церквях. Весь их быт справлялся там же. Работали заключённые на работах коммунального сектора города Смоленска. Занимались очисткой выгребных ям, в качестве разнорабочих на стройках. Имелась также артель, работавшая в совхозе «Шаталово».

Не от хорошей жизни правительство обзавелось таким количеством силовых структур. Взять в свои руки управление государством большевикам удалось сравнительно легко, но удержать власть даже в такой губернии, как наша, оказалось не простым делом.

В уезде, да и вообще в губернии действовали банды со специфическим составом. Костяк их составляли бывшие офицеры. Боевые офицеры, прошедшие мировую войну, но не желавшие сотрудничать с советской властью, становились особо опасными преступниками. Эти люди, обладавшие личной храбростью, грамотные в военном отношении, доставляли особо много хлопот правоохранительным органам.

В апреле 1921 года декретом Совнаркома внесено изменение в уголовное законодательство. Провозглашалось, что отныне за преступления гражданам республики народные суды будут выносить приговоры о лишении свободы или о принудительных работах, срок которых не будет превышать пяти лет. Конечно, это был пропагандистский ход. Власть маневрировала. Требовалось успокоить страну. Однако закон не распространялся на меры наказания, определяемые военными трибуналами. Естественно, ревтрибуналы, рассматривавшие дела, выносили, как правило, расстрельные приговоры. Органы ВЧК в отношении противников режима или преступников другого порядка практиковали те же расстрелы, но в так называемом административном порядке.

Закрытость жизни деревни. Наши деревни жили по собственным законам, имея свой судебный орган – «мир». Народным судам доверия не было. Крестьяне полагали, возможно, и не без основания, что суд можно подкупить, уйти от ответственности. Прецеденты в волости имелись. В суды попадали дела о невыполнении какой-либо государственной повинности, взыскании недоимок, самогоноварении, другие незначительные дела. Что касается наиболее распространенных преступлений таких, как, например, кражи, потравы посевов, то вор предстал перед судом селян. Община на своем сходе решала, что является преступлением и какому наказанию подвергнуть нарушителя неписанных правил жизни деревни. Практиковались наказания розгами. Нарушителя могла провести по всей деревне обмазанным дегтем, при этом жители колотили палками в заслонки от печей и т.д. В общем, человека позорили. Если нарушитель являлся платежеспособным, то «мир» признавал достаточной сатисфакцию в виде ведра самогона или водки. Пила вся деревня. Зачастую крестьяне, совершившие проступок, скрывались от односельчан и отдавались в руки правосудия государственных органов.

Агитационная и пропагандистская работа органов власти среди крестьян. Наряду с репрессивными мерами, например, безвозмездное изъятие продовольствия у крестьян при помощи продотрядов, органам власти приходилось лавировать, используя политические методы воздействия на умы и настроения. В частности, широко применялся такой способ вызвать лояльность граждан, как агитация и пропаганда. Слово доказало свою пригодность в качестве оружия еще со времен Первой мировой войны.

Тогда большевики, выдвинув украденный у эсеров лозунг: «Землю – крестьянам» путем агитации и пропаганды развалили армию великой империи, а затем и саму империю. С этим лозунгом большевики выиграли Гражданскую войну. Слово как один из универсальных видов оружия пригодились и после войны. Собственно, этим оружием они будут воевать со своим народом и последующие семьдесят лет, промывая ему мозги.

С целью прощупать пульс населения, в одну из подобного рода кампаний, из уездного центра поехали гонцы по деревням, собирая митинги и собрания. Основанием для данной акции явилось, вероятно, соответствующее постановление губкома. В газете «Рабочий путь» за 4 января 1920 года опубликована инструкция о том, как проводить недели трудового фронта в волостях. Провести их следовало с 18 по 25 января 1920 года. Но в Демидовском уезде задержали с исполнением и провели указанную «неделю» несколько позже. Вот как это происходило. Как видно из отчетов укома, в самый разгар сельской страды, а именно 5 июня 1920 года представитель уезда провел митинг в деревне Костричино. «Присутствовало 42 человека. Тема “Неделя трудового фронта”. Отмечено, что отношение к совласти сочувственное. Были отрицательные выступления. Общий настрой сочувственный».

5 июня митинг в деревне Красное Дуброво (Дуброво). «Присутствовало 45 человек. Продолжительность 3 часа».

6 июня митинг в нашей деревне Гвоздевицы. «Присутствовали 70 человек. Продолжительность около 3 часов. Тема митинга “Война с Польшей” и “Неделя трудового фронта”. Отношение сочувственное. Задавались вопросы о том, что нет соли, вообще ничего нет. Были отрицательные выступления и сочувственные. Общее настроение сочувственное».

7 июня проведено собрание в деревне Барсуки, ну и так далее.

Читатель может себе представить, как старики, женщины и немногие мужики обалдело идут на митинг (раз приехало начальство, значит, опять будут грабить, но грабить нечего – на полях еще ничего не созрело). Оказалось, что на этот раз нет. Продотряд не появился. Агитатор начал рассказывать, как нужно ударно трудиться. Это было равносильно тому, как если бы европеец приехал в Заполярье и начал учить эскимосов строить иглу (жилье) во льдах. Да и что мог понимать чиновник в деревенском труде. Я предполагаю, что уездные власти тянули с поездками по деревням с зимы до середины лета, полагая, что вопрос рассосется сам собой. Но в губкоме оказались упорные люди, им непременно нужно было поставить галочку, что мероприятие проведено. Все же для органов власти эти поездки не были бесполезными. Тут они убедились, что мужик сам по себе настроен мирно и ничего другого не желает, как только работать. Вот только пособить бы ему солью, керосином, спичками, мылом. Также очень хотелось земледельцу, чтобы не весь хлеб, подчистую, у него отнимали, ослабили петлю на шее. Что касалось войны с Польшей, то мужиков она почему-то не интересовала, хватило с них двух предыдущих войн. В идеях мировой революции по несознательности они ничего не понимали и не хотели понимать.

О последствиях Гражданской войны. Наконец, трехлетняя братоубийственная война закончилась. Кроме огромных человеческих жертв, не оцененных должным образом до настоящего времени, война повлекла полное разрушение экономики. Во времена коммунистического правления бойко рассказывалось о победах над армиями злодеев Колчака и Деникина, а также другими белыми армиями, но ни слова не произносилось о том, что в войне проиграли обе противоборствующие стороны. Все обставлялось так,

будто доблестная Красная Армия сражалась с негодяями, эксплуататорами. О том, что число «эксплуататоров» исчислялось миллионами, старались не распространяться. Ну, к примеру, вспомнили хотя бы тот факт, что в этой самой РККА служило от 300 000 до 1 000 000 человек наемников-интернационалистов: китайцев, венгров, латышей, литовцев, поляков и др., отличавшихся особой жестокостью. Или что с обеих сторон воевали те же крестьяне, как богатые, так и среднезажиточные, бедняки. Или что штабами Красной Армии в 70 % случаев руководили офицеры и генералы царской армии (военспецы, как их тогда полупрезрительно называли и, что под их руководством ковалась победа красных). В 1936–1937 годах в знак благодарности практически все они будут репрессированы. Трагедия этого периода заключается еще и в том, что в процессе двух войн человеческая жизнь вообще перестала иметь какую-либо цену.

Что касается экономических потерь, то в промышленности и сельском хозяйстве наступил коллапс, а курс бумажного рубля к этому времени упал в 13 тысяч раз по сравнению с 1913 годом. Все большее распространение получили натуральный обмен и натуральная оплата труда. Необходимо было что-то предпринимать.

К четырехлетию Октябрьского государственного переворота Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета объявил амнистию всем рабочим и крестьянам, кто с оружием в руках в течение Гражданской войны выступал против советской власти. Особенный упор делался на возвращение бежавших за рубеж. Им сулились всяческие блага и прощение. Какова цена такого прощения, они узнают в середине 1930-х годов. Офицеры-белогвардейцы, другие неблагонадежные лица, если они под влиянием официальной пропаганды или же мучимые ностальгией возвращались в Россию, то многих из них расстреливали сразу же по прибытии, остальных особенно активно будут достреливать в тридцатые годы. Воевавших на стороне советской власти офицеров, несмотря на сопротивление сталинистов, не будут трогать до чистки в период большого террора. Народный комиссариат по военным и морским делам еще в середине 1929 года будет брать под защиту офицеров, воевавших на стороне Красной Армии, что подтверждает специальное письмо от 29 сентября 1929 года. Но все же они не уберутся. Смоленский мартиролог не даст соврать. Там очень много репрессированных с западной части Смоленщины, бывших военных, сотрудничавших с советской властью.

Введение продналога. Город голодал, и власть, чтоб накормить его, выкачивала продовольствие из деревни, вызывая недовольство земледельцев. Кроме того, требовалось выплачивать огромные контрибуции Германии, отрабатывая помощь, оказанную Ленину для совершения Октябрьского переворота 1917 года.

Учитывая положение дел в деревне, Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 23 марта 1921 года власти разверстку отменили, а вместо неё ввели налог на продукты сельского хозяйства. Этот налог должен быть меньше, чем хлебная разверстка. Он назначался ещё до весеннего посева, чтобы каждый крестьянин мог заранее учесть, какую долю урожая он должен отдать государству и сколько останется в его полном распоряжении. Налог начали взимать без круговой поруки, то есть по обязательствам отвечал каждый отдельный домохозяин. Старательному и трудолюбивому хозяину не приходилось теперь платить за неаккуратного односельчанина. По выполнении налога оставшиеся у крестьянина излишки поступали в его полное распоряжение. Он имел право обменять их на продукты и инвентарь, которые, как предполагалось, государство будет поставлять в деревню из-за границы и со своих фабрик и заводов. Он мог использовать их для обмена на нужные

ему продукты через кооперативы и на местных рынках и базарах... Так началась новая экономическая политика (НЭП).

Продналог первоначально был установлен на уровне примерно 20 % от чистого продукта крестьянского труда (то есть для его уплаты требовалось сдать почти вдвое меньше хлеба, чем при продразвёрстке), причём впоследствии его намечалось снизить до 10 % урожая и перевести в денежную форму. В общем, НЭП благотворно сказался на состоянии деревни. Во-первых, у крестьян появился стимул работать. Во-вторых (по сравнению с дореволюционным временем), у многих увеличился земельный надел – основное средство производства. Всего селянин в 1922 году платил четыре налога. Подворно-денежный, который падал исключительно на сельское население, направлялся на усиления средств местных бюджетов. Сюда же добавлялся трудгужналог, исполняемый в натуре. Кроме того, в течение 1922 года введены два общегражданских налога. Один с целью оказания помощи голодающим, другой имел целью восстановление сельского хозяйства.

Помимо продовольственного налога, Наркомпрод республики обложил Смоленскую губернию «яичной повинностью» и обязал сдать государству в течение 1921 года 6 278 600 штук яиц. Демидовскому уезду разверстали 491 672 штуки куриных яиц. Вероятно, уезд разверстал нормы сдачи пищевого продукта по волостям, волости по деревням. Земляки и предки за все и рассчитались.

Подобным же образом Иньковская волость получила разнарядку на заготовку дров и лесоматериалов. Уезду следовало заготовить в течение года 6 920 куб. саженой дров и 6 000 куб. лесоматериалов. Все это, конечно, на безвозмездной основе. Так как в 1921–1922 годах республику поразил сильнейший голод, то в Смоленской губернии для борьбы с ним создали специальный орган Губпродпомгол, в задачу которого входило, помимо обязательного хлебного налога, собирать хлеб для голодающих губерний РСФСР. Вероятно, центральное руководство считало, что на Смоленщине имеется излишек продовольствия. Согласно постановлению 13-го губернского съезда Советов каждые пять крестьянских дворов должны были взять на хлебное содержание одного голодающего на период в течение шести месяцев. Крестьяне в лицо голодающих не знали, поэтому должны были поверить государству, что оно передаст по назначению шесть фунтов ржи или муки каждый месяц или же 36 фунтов продукта одновременно. Сбором хлеба занимались Заготконторы при содействии волостных правлений, сельсоветов и специальных уполномоченных.

НЭП дал возможность развитию инициативы в деле кустарных промыслов. То, что не давал город, для нужд крестьян начала давать сама же деревня. Показателен такой эпизод. В селе Каспля до Октябрьского переворота 1917 года работал кожевенный завод братьев Савинкиных. Предприниматели хранили в секрете способы выделки кож. Затем завод национализировали. Тщательно охраняемый секрет стал общим достоянием. Крестьяне научились в домашних условиях выделывать кожи не хуже, чем на заводе. Появилась конкуренция. Цены на продукцию на местном рынке резко пошли вниз. Таким образом, выиграл покупатель – крестьянин.

Уже в годы советской власти, когда правительство сняло запрет на обязательную сдачу кож, наши деревенские мужики вплоть до 1960–1970 годов сами выделывали овчины и шили у местного портного полушубки. То же самое происходило и с обработкой тканей. Льняное полотно местные женщины-умелицы научились выкрашивать в различные цвета. Для приготовления красителей использовались листья цветов, травы, коренья.

Государство, на то оно и государство, тут же принялось выполнять свои хозяйственные функции. 20 мая 1922 года выпущен первый государственный заем, «натуральный» – на 10 млн пудов ржи и на срок 8 месяцев. Взять с населения было нечего, кроме натурального продукта. Как только денежная реформа 1922–1924 годов начала приносить результаты, займы стали выпускаться и в денежном эквиваленте.

31 октября 1922 года объявлено о подписке на первый советский денежный заем на 100 млн руб. В следующем году выпустили еще два беспроцентных займа: хлебный и сахарный.

Тогда же вышел краткосрочный заем Наркомата путей сообщения в форме транспортных сертификатов на сумму 24 млн золотых рублей и сроком от девяти месяцев до года. Покупатели могли использовать их для оплаты поездок по железной дороге, в связи с чем эти ценные бумаги получили распространение наряду с только что введенными советскими дензнаками и твердыми червонцами. Номинал железнодорожных облигаций был меньше червонца – пять рублей со страховкой от обесценивания. Со временем власти так понравится занимать деньги у крестьян и рабочих, а потом ничего обратно не возвращать, что такая практика станет нормой. Крестьяне даже начнут выстраиваться в очередь, чтобы получить фантики – сертификаты о займе, впрочем, это будут уже другие времена.

Возобновление дискуссий о кулачестве. К данному же периоду времени относится возобновление дискуссий о кулачестве на деревне. Центральными органами власти еще не выработаны директивы, в которых указывалось бы, кто же причиняет вред социалистическому укладу деревенского хозяйства. Между тем, имущественное расслоение на селе уже происходит. Как водится в подобных случаях, начали поиск врагов. Название врага придумано – кулак. Это он живет лучше, чем другие крестьяне. Чувство справедливости требовало, чтобы все жили одинаково. В газетах появились рассуждения о том, кого считать кулаками. Так, например, авторы статей предостерегали от огульных характеристик зажиточных хозяйств как кулацких, поскольку они добились успеха трудолюбием и деловой сметкой, если они, конечно, преданы советской власти. С другой стороны, не все, эксплуатирующие чужой труд, являются кулаками. Применение наемного труда ввиду недостатка рабочих рук в самом хозяйстве позволяло отнести его к середняцким. Но имевшиеся в деревне так называемые «горлопаны», которые правдами и неправдами захватывали лучшие земельные участки, занимались ростовщичеством, то есть держали деревню в «руках» – кулаки. Имея хороший племенной скот, продавали приплод втридорога и т.д. Присваивать чужой труд могли, безусловно, кулаки. Так на почве НЭПа прорастали зародыши будущих классовых битв.

Подобные дискуссии в газете «Смоленская деревня» происходили и по теме землепользования. Власть благосклонно относилась к публикациям, обосновывающим преимущество коллективного землепользования. Крестьяне со своей вековой тягой к собственному клочку земли не очень прислушивались к доводам пропагандистов, устраиваясь на хуторах и отрубках. Наши деревни оказались безнадежными ретроgrадами, стремительно переселяясь на хутора.

Развитие системы Советов. Положение 1920 года упорядочило структуру сельсоветов и уточнило порядок их образования.

1. Советы создавались в селениях, где проживало не менее 300 человек.

2. В селениях, насчитывавших менее 300 жителей, действовало предусмотренное Конституцией общее собрание избирателей; в этом случае собрание избирало пред-

седателя, исполняющего те же функции, что и председатель сельсовета, или эти селения объединялись с другими в один Совет. Исполкомы образовывались сельсоветами, объединяющими свыше 10 000 населения, в селениях с числом жителей менее 10 000 исполкомы не избирались. Исполнительную власть в сельской местности осуществлял председатель сельсовета. Число заседаний сельсовета сокращалось до двух в месяц. Положение 1924 года ввело норму выбора 1 депутата на 100 человек и повысило предельное число членов Совета (не менее 3 и не более 100 человек), обеспечивая этим приток новых кадров в сельсоветы. В принятом положении о сельских советах говорилось, что главными задачами новых органов являются содействие в развитии крестьянских хозяйств, борьба с невежеством, темнотой населения, болезнями и прочими неурядицами сельской жизни. Декларировалось содействие организации взаимопомощи и кооперирования населения, объединение деятельности всех советских организаций, расположенных на территории, подведомственной сельсоветам.

Раскол церкви. Изъятие храмовых ценностей. Всероссийский Центральный Комитет (ВЦИК) 23 февраля 1922 года (н.ст.) опубликовал декрет, в котором обязывал местные советы «...изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов для помощи голодающим». Может, голодающим, а может, и нет. Сдается, что это был только предлог, нужно было запустить руки в церковную казну. Большевики сильно поиздержались за период Гражданской войны, да и от идеи мировой революции еще не пришло время отказаться. Нужно было материально поддерживать «Коммунистический Интернационал». Сталин со временем, конечно, прикроет эту, как он выражался, «лавочку», пока же большие деньги текли и туда. Российский народ при всех правителях и всяких там «голодах» всегда делал опору только на собственные силы. Нашлись «излишние» ценности и в наших четырех церквях: Зарубинской, Касплянской и двух Иньковских. Выходивших протестовать мирян при помощи отрядов красноармейцев легко уговорили поделиться золотыми и серебряными изделиями, при этом обвинив церковников в отсутствии милосердия. Только в мае–июне 1922 года, по неполным данным, в уездных церквях изъято свыше 160 килограммов серебра в изделиях. При этом церкви отдаленных волостей пока еще остались нетронутыми. Также опасаясь вооруженного сопротивления, губернская комиссия не рискнула посетить Ордынскую пустынь, для чего бы потребовалось мобилизовать значительные силы. Приходится констатировать, что сама власть расценила свои действия как спецоперацию, где могла пролиться кровь.

Добивали священников не только вышеуказанным способом. В двадцатые годы при правительстве РСФСР создали специальный орган: «Центральный совет Союза безбожников СССР». Соответственно, существовали губернские и уездные советы безбожников. Центральный орган тиражом 125 000 экземпляров издавал газету и журнал «Безбожник». В общем, заморачивали головы крестьянам в полную силу возможностей.

С целью внести раскол в рядах духовенства власти создали параллельную «обновленческую» церковь. Эта псевдоцерковь начала проповедовать тезис избавления храмов от всякой церковной «мишуры». Если традиционную конфессию всячески притесняли и травили, то в отношении обновленчества проводилась политика поощрения и терпимости. Цель же большевиков была одна – разбить идеологических противников поодиночке.

Несмотря на то, что советская власть в своих декретах декларировала невмешательство в дела церковные, а церковников в дела государственные, на деле происходило иначе. Власть при любой возможности выискивала в глазу противника хотя бы соринку. Игра шла в одни ворота. Так, например, в деле финансовой дисциплины приходивших советские чиновники рыцарски отстаивали интересы прихожан. Создавались различные комиссии, которые разоблачали неприглядные действия священников.

Поскольку деньги мало что стоили, батюшка нашего прихода за отпевание умершего брал с семьи от 3 до 12 пудов ржи; за свадьбы так же; за обеды от 1 до 5 пудов и т.д. Конечно, это немало. Церковь, естественно, не хотела поступаться своим статусом и всячески противодействовала вмешательству в ее дела.

22 марта Политбюро ЦК РКП(б) на основе письма Лейбы Давидовича Троцкого утвердило план мероприятий по репрессиям против духовенства. Сюда включался арест Синода, показательные процессы над духовными лидерами, а также указывалось: *«Приступить к изъятию во всей стране, совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей».*

В Смоленске выездная сессия Военной Коллегии Верховного Трибунала ВЦИК с 1 по 24 августа 1922 года рассматривала дело «Смоленских церковников», по которому привлекалось 47 человек... епископ Смоленский Филипп (Ставицкий), настоятель Смоленского Кафедрального Собора Ширияев. Участники сопротивления изъятию ценностей являлись в основном представителями Смоленского Соборного Братства и прихожанами других церквей города. Привлекались к ответственности также бывшие полицейские исправники, сотрудники охранного отделения, инспектор духовной семинарии. К расстрелу приговорены Залесский, Пивоваров, Мясоедов и Демидов. Различные сроки заключения получили еще 10 проходивших по делу верующих.

Роль и значение комсомола в жизни деревни. Проводником коммунистических идей по борьбе с религией большевики, развязав ему руки, сделали комсомол, который своими инициативами причинил церкви даже больший урон, чем иные государственные структуры. Государство первое время, по возможности, воздерживалось от силового давления на церковь.

Так, что же такое комсомол и какая роль ему отводилась в программе партии коммунистов? В июле–августе 1917 года на VI съезде РСДРП(б) была принята резолюция «О союзах молодёжи», которая предусматривала создание самостоятельных организаций пролетарского юношества, ведущих под руководством партийных комитетов пропаганду идей социализма и коммунизма среди молодёжи. Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодёжи открылся в Москве 29 октября 1918 года. Этот день считается днём основания комсомола (РКСМ). После смерти Ленина решением VI съезда комсомола, состоявшегося в июле 1924 года, РКСМ был переименован в Российский Ленинский коммунистический союз молодёжи.

Комсомол создавался как помощник партии большевиков, программой действий которой являлось полное переустройство общества путём ликвидации частной собственности и эксплуатации человека человеком. Партия также ставила перед собой и комсомолом задачи воспитания нового человека, свободного от пороков и недостатков уходящей эпохи, переустройства института семьи, изменение отношения к религии и много другое. То, что учение являлось утопией, лидерам партии не хотелось верить ещё долгое время. Вероятно, по своей природе в нравственном отношении человек станет более совершенным, но это произойдет в далёком будущем и, главное, в процессе эво-

люции. Революционный путь, который выбрали марксисты, и, как показала история, бесперспективен.

Старшие товарищи, совершившие государственный переворот в России, всегда хотели видеть в молодёжи таких же фанатиков проповедуемых ими идей, как они сами. Однако правящей партии приходилось иметь дело не с просвещённой частью общества, а совершенно сырым материалом. Предстоял колоссальный труд по изменению сознания всей массы крестьянской молодёжи, и нельзя однозначно сказать, что партия до конца справилась со своей задачей.

Крестьянин-земледелец – ярый собственник и консерватор до мозга костей, и в отличие от пролетария ему есть, что терять. Смыслом жизни крестьянина всегда являлся клочок земли, на котором он проживал, а также право распоряжения тем, что на нём производилось. Принцип обобществления собственности, заложенный в марксистской доктрине, прямо противоположен мужицкому мировоззрению. И не существовало силы, способной изменить это обстоятельство. Если даже церковь и веру в Бога крестьянин приспособлял для своих нужд, то новая коммунистическая религия не имела шансов на внедрение в его сознание в принципе. И, конечно, говорить о комсомоле только в пафосной тональности, как это делала официальная пропаганда долгие годы, будет неправильно. Молодые люди, дети крестьян, поневоле являлись продуктом своего времени и с получением членских комсомольских билетов не становились сразу же активными, сознательными, высокоморальными строителями коммунизма. На большинстве из них лежал тяжкий груз общего бескультурья сельской жизни, необразованности, моральных пороков, разъедавших деревню. Претворяя в жизнь планы большевиков по переустройству общества, необходимы были годы и годы преодоления многовековой отсталости, причём изживать всё это можно было только вместе со всей страной.

Приведённая ниже часть докладной записки в Смоленский обком комсомола является неким срезом состояния комсомольской жизни провинции. Из прочтённого можно составить некоторое представление о том, с какими проблемами сталкивались молодые люди в повседневной жизни, об уровне их культуры, интересах, стремлении к знаниям. Трудное то было время. Здесь, впрочем, нельзя забывать, что, возможно, эти и подобные им комсомольцы впоследствии стали золотым фондом великих строек пятилеток, освоении безлюдных пространств, основании новых городов, например, таких как Комсомольск-на-Амуре и многое, многое другое.

№ 48

Из акта обследования Демидовской организации ВЛКСМ, проведенного представителем Смоленского обкома комсомола.

12–31 декабря 1926 года

Настроение молодежи уезда, в общем, здоровое, активность, задерживаемая за время бандитизма, быстро растет и, в основном, направляется влиянием комсомольской организации. Но отрицательные моменты имеются и выражаются в создании из молодежи (1904, 1905 годов [рождения]) уголовной банды в Понизовской волости из числа видных парней деревни – два были организаторами красных уголков и хорошими гармонистами, один подавал заявление в комсомол. Другое обстоятельство, что парни местные, это объясняло наличие симпатий к ним со стороны молодежи и даже укрывательство (3 случая) было, даже со стороны комсомольцев. Сущность банды за-

ключается в том, что все они совершили какое-либо преступление, боятся правосудия и углубляют свою вину новыми грабежами и убийствами. Не являясь политическим, бандитизм влияет на работу комсомола в волости – Барковскую ячейку пришлось распустить потому, что комсомольцы бежали оттуда из-за преследований, правда, здесь играет роль провал с дачей сведений милиции о бандитах. Одному комсомольцу этой ячейки предлагали вступить в банду и избили за отказ. В Кошевичской ячейке заявили двум комсомольцам, чтобы они не ходили на собрания, иначе будут избиты. В Покровской ячейке Слободской волости сорвано было собрание ячейки, так как бандиты наложили контрибуцию на церковь. Все это также влияет не только на внутриячейковую работу, но и на рост ячеек. Хулиганство имеет развитие на почве пьянства и процветает особенно в отдаленных районах от волости, иногда оно бывает направлено против комсомольцев, как организаторов нового быта (в Зарубенках Касплянской волости секретаря ячейки облили водой, в деревне Клины Пригорской волости избили комсомольца за то, что хотел вечеринку перестроить). В Лоинском районе две группы хулиганов, враждующих между собой, срывают вечеринки, в Дубровском районе один пьяница часто мешает проведению вечеринок. Нужно все же отметить, что хулиганствуют отдельные ребята и группки испорченных пьянствующих ребят, вообще молодежь хулиганству не сочувствует. В евангелистских сектах состоит молодежи очень небольшое количество, всего по уезду 26 человек, роста за счет молодежи нет совершенно, но есть, наоборот, отлив, молодежи сектантство не нравится. В отношении религии вообще есть большой сдвиг к её отрицанию, собственно в быту крепко укоренились традиции, а то по существу молодежь – Слободской район, деревня Пузеки икон совсем не берут, в церковь ходят не больше 10 человек, и то женщин и стариков. Хотеевская ячейка – район работы – без венца была третья часть свадеб, Дубровский район – в церковь [ходят] 8–123 женщин и девушек? Мячинский район Касплянской волости – без венца 80 процентов свадеб, Лоинский – 75 процентов и т.д.

Можно было привести еще ряд примеров, говорящих об этом, правда, девушки, по своему положению в семье, церковь посещают иногда, но для них она во многом служит своего рода центром. Плохо то, что отрицание бога является «голым», не подкрепленным знаниями, необходимыми в элементарной форме, но их нет. Элементы нового быта проникают еще в виде песен революционных («Кирпичики», «Расстрел коммунаров», «Проводы» и т.д.), частушек. Доходит и до курьезов, например, в Глазковском районе, после вечеринки иногда поется Интернационал. Стремление молодежи выражается по-разному: во-первых, у большинства стремление к знанию – учиться, в кружках работать, подтверждается это большой сетью красных уголков по уезде (в одной Слободской волости до 20 красных уголков). Молодежь желает ехать в город на заработки, есть представление, что там хорошо живется, отсюда некоторая зависть. Есть же просто стремление к развлечению и т.д., отсутствие перспективных взглядов в использовании свободного времени. О политических вопросах молодежь знает очень мало. От города далеко, газет выписывается мало, а если и читаются, то не всегда понимаются, как следует. И есть в ряде районов (Слободской волости) извращенное понятие об оппозиции, как о евреях, желающих власть взять в свои руки, и частушку сложили:

Я на бочке сижу, возле бочки Маша,
не подумайте, евреи, что Россия ваша.

Общая оценка настроения молодежи – удовлетворительная, подтверждаемая тем, что призыв 1904 года прошел вполне нормально. К общим условиям работы Демидовской организации нужно еще отнести неравномерное развитие отдельных волостей в культурно-экономическом и политическом отношении, как, например: Каспьянская волость – одна из наиболее развитых волостей – имеет нормальные условия для работы и имела. Понизовская волость, имеет, как указано, бандитизм. Слободская волость только еще в прошлом году избавилась от последствий бандитизма, и комсомольская организация там только что создана.

(ГАНИСО, ф. р-140, оп. 1, д. 535, л. 2–2 об. Копия).

Одна из наиболее популярных среди комсомольцев и указанная в докладной записке, можно сказать «Хит» того времени, песня «Проводы».

*Как родная меня мать провожала,
Как тут вся моя родня набежала:
«А куда ж ты, паренёк? А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванёк, да в солдаты!
В Красной Армии штыки, чай, найдутся.
Без тебя большевики обойдутся.
Поневоле ты идёшь? Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты...*

О нравственном облике уездных представителей власти. Несколько слов о коммунистических ячейках уезда. Партийные организации в волостях, несмотря на то, что уже август 1921 и январь 1922 года, находятся еще в зачаточном состоянии. Кроме собственно Демидовской городской организации, по отчетам мы видим, что партийные ячейки функционируют лишь в Свистовичской, Семёновской, Нахаевской, Лоинской, Дубровской волостях и коммуне «Диво». Какие руководящие кадры вдохновляли крестьян Демидовского уезда на выполнение государственных задач и показывали пример верности идеалам строившегося коммунистического общества? Кто претворял в жизнь предначертания Великих бородатых пророков? Вот как отражена эта сторона вопроса в сохранившихся документах за июнь 1922 года.

В ПРЕЗИДИУМ СМОЛЕНСКОГО
ГУБИСПОЛКОМА

Члена Президиума Губисполкома
Александрова

ДОКЛАД

Согласно постановления Президиума Губисполкома от 1-го сего июня я был назначен в комиссию в составе Начальника 2-го Отделения Соц. Смолгубполитотдела тов. Иоель, для ревизии Демидовского уисполкома и его отделов. Приехали в город Демидов 9-го июня и приступили к ревизии, на первый день нашего приезда в Демидов отряда граждан гор. Демидова был получен ряд заявлений, в которых указывалось на

ряд неправильных действий со стороны Местной Власти. Все эти заявления нами были тщательно проверены путем целого ряда допросов, и оказалось, что из них большая часть правдоподобна в большинстве. В заявлениях указывалось, что Местная Власть пьянствует и берет взятки, а если к ним обращаются по делу, то они ничего не предпринимают. После всестороннего опроса ряда граждан гор. Демидова, так равно и ряда волостей, то все это подтверждается, а особенно выпукло это вылилось, когда приехала Делегация Кавалерийского полка, шефом которого состоит Демидовский Уисполком. Собирались подарки путем воззвания к населению, как деньгами, так и продуктами, вот из этих-то продуктов и было взято ржи до 28 пуд. на самогонку, пили вместе с делегацией и все ответственные работники гор. Демидова, с первых чисел мая до нашего приезда, это знают все обыватели гор. Демидова. Мало, что пили дома в больших компаниях, но часто появлялись и на спектаклях, где их все видели.

Предуисполкома тов. Деркачёв И.Д. из Смоленска с Пленума Губисполкома приехал на автомобиле и в пьяном виде катался на последнем по Демидову, что, конечно, все видели, т.к. во-первых, автомобиль в гор. Демидове был диковинкой, а во-вторых, в таком небольшом городе, где все видят и знают, ничего не скроешь. (Не из данного ли доклада писатели Ильф и Петров взяли сюжет для «Золотого тельца», когда шофер Козлевич катал на своем автомобиле пьяное начальство. – Прим. авт.) ...Что же касается работы, то она протекает слабо, с одной стороны, мало опытных работников... своим хозяйством, как то: коровами и огородами, им больше уделяют внимания, чем работе. Из просмотра мною протоколов, как Пленума Уисполкома так и Президиума УЭКОСО, мною ставились серьезные вопросы по оказанию помощи в крестьянском хозяйстве, но это и осталось только на бумаге, а в жизнь мало проведено.

Из всех Отделов более порядочно работают – это упродком, уездвоенком, уземотдел, уотнароб и уполномоченный РКИ, который завален всевозможными жалобами на ряд незаконных действий. А также мною замечено, что не выполнены до настоящего времени постановления Президиума Губисполкома в ряде возврата домов, большая часть домов разрушена и в самом хаотическом состоянии, которые, по моему мнению, не восстановить, а необходимо их переделать владельцам, которые соглашаются их отремонтировать, они все пустуют и не приносят никакой пользы.

После допроса целого ряда свидетелей нами собран большой материал на ряд ответственных работников, которых мы полагали бы передать суду:

Председателя уездного исполкома тов. – Деркачёва И.Д.;

Секретаря Уисполкома – Дмитриевского С.Д.;

Заведующего Отделом Управления – Петрова Н.П.;

Заведующего Политпросветом – Берёзкина А.Г.;

Заведующего Местным Хозяйством – Баевского А.Н.;

Заведующего Укомтрудом – Елистратова В.Ф.;

Заведующего Автономным Управлением – Короткова А.Н.

Зам. Зав. Уотсбезом – Языченко И.Т.;

Бывшего Секретаря Укома – Г.;

Бывшего Начальника Умилиции – Майорова С.Г.;

Народного Судью 1-го участка – Володко-Стариковича;

Начальника Конного резерва – Романовского Л.Л.;

Милицонеров С. и Т.,

все перечисленные лица обвиняются в пьянстве и во взяточничестве, а также в обмене ржи на самогонку.

Если некоторые лица по суду и будут оправданы, их необходимо изъять из Демидовского уезда, все указанные лица не пользуются никаким доверием, как среди Демидовских мещан, а также и среди крестьянства.

Суммируя все выше указанное необходимо:

1. Выслать Сессию Ревтрибунала из более испытанных и авторитетных товарищей и судить их на месте, т.е. в г. Демидове, это будет моральное воздействие и на остальных работников, которых забила обывательская тина, и тем самым создаст и для новых работников авторитет среди населения и даст возможность продуктивной работе.

2. Необходимо Губкому дать новых работников на следующие посты: Преуисполкома, Заведующего Отделом Управления, Начальника Милиции, Заведующего Местным Коммунохозяйством и ряд других. Только таким путем можно сдвинуть работу и завоевать симпатию среди населения, а также сдвинуть имеющийся бандитизм в Демидовском уезде, который зародился от неумелого подхода и подчас грубого обращения работников.

Бандитизм в Демидовском уезде много преувеличен самими местными работниками, если будут срочно приведены выше указанные меры, то вне всякого сомнения бандитизм в самом ближайшем времени изживется и жизнь войдет в более правильное русло».

В дополнение заметка из газеты «Рабочий путь» № 113, 1921 года: «Председатель Иньковской волостной ячейки содействия Рабоче-Крестьянской Инспекции гражданин дер. Рокот, М.Р.Б., занимается выгонкой и спекуляцией самогонкой. В день праздника Б. часов с 12 дня расставил аппарат и начал гнать самогонку. Собралось много молодежи и каждый хотел выпить, да самогонки не хватило. Б. не знал, кому прежде отпустить. В толпе поднялись споры и крик. Решено было соблюсти и здесь известный порядок, построились в очередь и ожидали». Как говорится: No comment.

Ну и как после этого относиться к чисткам в рядах партии и среди номенклатуры разного ранга? И что же должно было делать государство с такими кадрами, которые решают все? Где взять других? И где же комиссары «в пыльных шлемах»? Все-му этому есть только одно объяснение: темный русский мужик дорвался до власти. Никто не воспитал, не выучил элиту тех лет тонкостям управления государством. Во власть приходили в основном сразу от станка или сохи и не самые лучшие, но самые беспринципные, наглые, без чести и совести. Впрочем, судя по всему, представители благородных сословий поступали точно так же. Бывшие дворяне, купцы, мещане, если их не унесли ветры Гражданской войны, никуда не делись, они оседали в тех же органах управления и власти. Россия, традиционно коррумпированная страна. И если говорить уже о настоящем времени, то нужно признать, что надеяться на какой-либо прогресс в данной области пока что нет оснований. Такова матрица общественного сознания России.

Однако... Сюжет получил развитие. Революционный трибунал принял-таки к рассмотрению дело о злоупотреблениях властью чиновниками Демидовского уисполкома.

Всего на скамью подсудимых сели 17 человек. Дело рассматривалось в губревтрибунале в период с 21 августа по 24 августа 1922 года. Трибунал приговорил.

Петрова Н.П. – предюста юстиции – к 8 годам общественных принудительных работ с содержанием под стражей;

Майорова С.Г. – начальника милиции – к 3 годам общественных принудительных работ с содержанием под стражей, но, принимая во внимание его революционные боевые заслуги, суд снизил ему меру наказания до 1 года;

Дергачёва И.Д. – председателя уисполкома, Березина А.Г. – завполитпросветом, Языченко И.Т. – члена уисполкома и Володко-Стариковича – народного судью – к одному году общественных принудительных работ с содержанием под стражей;

Баевского А. Н. – завкомхозом, Елистратова В.Ф. – заведомом труда и Дмитриевского С.Д. – секретаря уисполкома – к одному году общественных принудительных работ каждого, без содержания под стражей;

Иванова Ф.И. – приказчика ЕПО, Иванова П.Т. – заведующего политотделом управления и Шульгина Е.А. – секретаря убуэта – к 3 месяцам общественных принудительных работ без содержания под стражей; Романовского Л.Л. – начальника конного резерва милиции – к 3 месяцам общественных принудительных работ, но, принимая во внимание его революционные заслуги, суд заменил данную меру наказания общественным порицанием;

Пейграфа З.К. – милиционера – к 3 годам общественных принудительных работ, но, принимая во внимание его неразвитость, темноту, приговор считать условным; Короткова А.Н. – председателя автономного управления совхозов, Яворского К.Ф. – начальника раймилиции и Петрова А.П. – запасного нарсудью – ревтрибунал оправдал.

После данного громкого процесса доверие, по крайней мере, к центральной власти у населения, вероятно, несколько выросло.

Вскоре уровень бандитизма в уезде, да и в губернии в целом действительно снизился. Главарям и особо опасным членам бандитских групп суды выносили, как правило, смертные приговоры. Процессы широко освещались в прессе. Все это так. Но судебный процесс в отношении представителей органов власти Демидовского уезда не пошел впрок, и руководство как губернии, так и уездов, не извлекло для себя уроков. Уж очень не хотелось расставаться с привычками. Коррупция и пьянство среди партийных и беспартийных руководителей продолжались. Продолжились они и после разоблачения «Смоленского гнойника», о котором пойдет речь несколько позднее.

Здесь имеет смысл привести один очень важный документ хотя бы потому, что в открытом доступе автору настоящих строк в полном виде обнаружить его не удалось. Называется он «О порядке привлечения коммунистов к ответственности за проступки, связанные с их работой в партийных, советских, профессиональных, кооперативных и других общественных учреждениях», принятый в форме Постановления ЦК ВКП(б) 26 апреля 1925 года и направленный циркулярно на места, в том числе и Смоленский губком ВКП(б).

Вообще говоря, ЦК партии к настоящему моменту уже неоднократно высказывал своё отношение к разного рода грешкам членов «ордена меченосцев», поскольку коммунисты начали активно забывать, зачем «делали революцию». Были времена ограниченной подсудности носителей народной совести, поскольку считалось, что данная категория может быть отдана под поручительство. Приведенный ниже документ отражает растущую обеспокоенность центральных партийных органов всё усиливающимися шапостолями слуг народа.

«Существование подлинной смычки пролетариата и крестьянства ставит сейчас остро вопрос о проведении революционной законности.

Нахождение партии у власти порождает у многих членов её увлечение властью и игнорирование законных прав и интересов населения, а также их безответственность и недопустимо презрительное и незаконное отношение к беспартийным.

Обнаруживается значительное количество случаев растраты коммунистами сумм тех государственных, кооперативных, профессиональных и других общественных организаций, во главе которых они стоят.

Нередки случаи взяточничества, господствует чрезвычайно лёгкое отношение к государственным интересам и кошельку. Всё это требует решительной и беспощадной борьбы.

Наша карательная политика, однако, является ещё далеко несовершенной и очень часты случаи, когда коммунист, совершивший уголовное преступление, “принимая во внимание революционные заслуги”... освобождается от наказания, чем создаётся в населении впечатление ненаказуемости членов РКП(б). Иногда так смотрит на дело Суд, иногда это происходит вследствие вмешательства партийных организаций. Это ставит коммунистов в глазах населения в положение лиц, «которым всё дозволено».

В целях искоренения всего этого необходимо установить следующее.

1. Каждый коммунист за совершённое им преступление подлежит привлечению к судебной ответственности, аресту и наказанию на общих со всеми гражданами основаниях.

2. Последние мероприятия по укреплению революционной законности возложили на судебно-следственные органы обязанность с особым вниманием следить за соблюдением законности и недопущением нарушения правовых норм со стороны всех гр-н, в том числе и членов РКП(б), усилив ответственность лиц, производящих эти нарушения. Поэтому парторганизации должны отказаться от вмешательства в судебные и следственные дела по отношению к членам партии, так как таковая опека фактически превращается в препятствие для правильного хода решения и вызывает в широких беспартийных массах представление о безнаказанности коммунистов за совершённые ими преступления.

3. Прокуратура должна немедленно извещать парткомы и контрольные комиссии о состоявшемся уже факте привлечения к суду или аресту члена партии с сообщением оснований предания суду или ареста.

4. Как общее правило, дела коммунистов в контрольных комиссиях в случае привлечения их к судебной ответственности ставятся после приговора суда.

В исключительных случаях, при ясности материалов, КК могут, не дожидаясь судебного приговора, выносить решения о партийных взысканиях, вплоть до исключения из партии.

5. Парткомы и контрольные комиссии ни в коем случае не могут в порядке директивы предрешать приговора судебных органов.

6. По корыстным делам, по делам о насилиях, самоуправствах и контрреволюционным воспрещается смягчать приговор из-за принятия во внимание принадлежности к партии или пролетарского происхождения.

Примечание: Дела о растратах со стороны коммунистов, работающих в государственных, кооперативных, профессиональных и других общественных учреждениях, должны разбираться в срочном внеочередном порядке, и при разборе их также воспрещается смягчать приговор из-за принятия во внимание принадлежности к партии или пролетарского происхождения.

7. В тех случаях, когда парторганы и КК придут к несомненному убеждению в фактической невинности коммуниста и в несостоятельности предъявленных к нему обвинений, они могут через Губком довести до сведения Губпрокурора свое мнение. В необходимых случаях Губкомы, Обкомы и ЦК национальных партий обращаются в ЦК ЦКК РКП(б).

8. Одновременно с привлечением члена партии к ответственности за уголовное преступление, прокуратура обязана сообщить о состоявшемся привлечении те учреждения и предприятия, где данное лицо занимает выборную должность или несёт иную службу. Соответственное учреждение или предприятие, как партийное, так и профессиональное, советское, кооперативное или общественное обязано немедленно поставить перед собой и решить вопрос об отстранении данного члена партии от выполняемой им работы, впредь до приговора суда.

9. КК при рассмотрении возникших в партийном порядке дел и обнаружении при этом признаков уголовных преступлений немедленно направляют эти дела в соответствующие судебные-карательные органы.

10. При заслушивании в парткомах докладов о работе судебных-следственных органов необходимо обратить на правильную пролетарскую линию в работе судебных органов, на действительное усиление борьбы за революционную законность и, в частности, на быстроту прохождения дел, в том числе и дел, касающихся коммунистов – о преступлениях по должности.

11. В связи со всем указанным для обеспечения выполнения этих задач, в целях поднятия авторитета судебных органов необходимо, как в центре, так и на местах, обратить самое сугубое внимание на выделение наиболее авторитетных работников в органы суда и прокуратуры и в таком духе дать соответствующие указания орг. рас-пред. отделам парторганов в центральных местах.

12. Вместе с этим должно быть обращено внимание на улучшение материального положения этих работников, чтобы они получали не ниже соответствующих ставок ответственных работников в Исполкоме той же квалификации.

13. Всем парторганам вменяется в обязанность наблюдение и проведение в жизнь настоящих постановлений, а также периодическая проверка, насколько реально и успешно ведётся борьба с указанными отрицательными явлениями».

В октябре 1925 года из секретариата ЦК поступает новый документ – письмо всем губкомам «О порядке привлечения и наказания коммунистов за уголовные преступления». Этим письмом отменялись все прежние указания по данному вопросу и предлагалось руководствоваться новыми указаниями. В основном они повторяли то, что было изложено в постановлении апрельского пленума ЦК. Местным комитетам партии еще раз напоминалось о правилах игры «в правосудие». Формально теперь ни партийные комитеты, ни контрольные органы не могли влиять на судебные решения. Но их мнение по тому или иному конкретному делу имело «политически рекомендованный» характер.

В сентябре 1926 года уже Политбюро принимает постановление, запрещавшее местным партийным организациям давать директивы судебным и следственным органам о мере наказания по судебным делам. Еще одна попытка установления единой практики возбуждения уголовных дел против членов партии предпринимается в 1927 году. НКЮ в своих циркулярах от 11 апреля и от 8 августа для всех судов установил единые правила. В принципе, они ничего нового не содержали и в основном повторяли то, о чем уже говорилось прежде: судить коммунистов на общих основаниях, не реагируя

вать ни на какие просьбы типа «принять во внимание», немедленно сообщать в партийный комитет о привлекаемых к ответственности коммунистах и т.п.

Принятие Земельного кодекса. Продолжение выселений помещиков. Переселения крестьян в другие местности.

30 октября 1922 года принят Земельный кодекс РСФСР, которым объявлялась национализация земли. Кодекс закрепил исключительное право собственности государства на землю; подтвердил, что право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах РСФСР «отменено навсегда». (Вот и воплощение октябрьского 1917 года лозунга «Земля крестьянам»)/ Объявлялась свобода выбора крестьянами форм землепользования, допускалось применение батрачества. При этом крестьяне вольны были сами выбирать форму землепользования – общинную, единоличную или коллективную. Запрещалась покупка, продажа, завешание, дарение, залог земли. Такие сделки признавались недействительными, а виновные наказывались в уголовном порядке.

Право пользования землей из единого государственного земельного фонда и предоставлялось трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям. Право на пользование землей для ведения сельского хозяйства имели все граждане РСФСР, желавшие обрабатывать ее своим трудом.

Согласно постановлению Президиума ЦИК и СНК СССР от 20.03.1925 «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» их имущество, за исключением урожая, конфисковывалось, а сами помещики подлежали высылке в районы, где не было помещичьего землевладения. В Сибири не было помещичьего землевладения, на Севере тоже. Правда, время массовых выселений в районы Севера в тот момент ещё не наступило. Постановление, о котором идёт речь, распространялось на помещиков из дворян. В частности, согласно установленной разрядке 75 семьям помещиков выделялась земля по нормам переселенцев в Омской губернии, Ново-Николаевской – 43 семьям, Томской – 75, Уральской области – 75, Енисейской – 75. Всего из Смоленской губернии выселялось 418 семей. Несмотря на то, что сроки выселений устанавливались жесткие – до января 1926 года, «бывшие» продержатся в своих имениях до 1928 года, а вообще, в относительной безопасности до начала 1930-х годов. Затем их следы затеряются. Поодиночке они уже не представляли для властей никакой угрозы.

Кроме принудительного переселения бывших помещиков в Сибирь и на Урал в 1925 году, ещё раньше, а именно в 1924 году, в губернии, учитывая её малоземельность и связанные с этим постоянные нехватки хлеба и продуктов земледелия, была принята программа добровольного переселения в Саратовскую область. Стимулировалось это тем, что семьи переселенцев получали подъемные пособия, по месту нового жительства освобождались от налогов сроком на три года, а также от призыва на воинскую службу, также на трёхгодичный срок. Помимо выезда на постоянное место жительства в район Поволжья, жители губернии начали активно переселяться в Сибирь и на Дальний Восток. Например, в 1926 году властями разрешено переселение 3920 семьям в Сибирские губернии и 1080 в регионы Дальнего Востока. В течение года установленный лимит был выбран. Переселения продолжались и все последующие годы. Например, в 1929 году жителям Европейской России в районах Сибири правительство планировало предоставить места проживания для 101700

человек. При этом добровольцам-переселенцам выставлялись обязательные условия. Власть и здесь захотела получить свою выгоду. Ещё в районах постоянного проживания люди должны были организовываться в колхозы или коммуны в составе 20–30 дворов в каждом колхозе, и только после этого с ними начинали проводить организационные мероприятия по переселению. На других условиях, например, индивидуально люди выехать с мест проживания не могли, только в составе колхоза. Но и при наложении подобных ограничений желающих оставить обжитые места оказалось достаточно много. Люди надеялись навсегда избавиться от постоянной нужды и голода. Сведениями о количестве переселенцев из Каспьянской волости автор не располагает.

Землю крестьяне получали в бессрочное пользование. Допускалась трудовая аренда. Допускались любые способы землепользования – общинный с переделами, хуторской, выделение на отруба, образование коммун и артелей. Самым сложным было определение права двора на выход из общины (мира). 16 мая 1919 года такое право было подтверждено, но местные власти и сама община чинили препятствия – из-за того, что это вело к дроблению участков.

При обсуждении Кодекса признано, что адекватно решить этот вопрос в общем законодательстве трудно, и губерниям было дано право самим устанавливать нижние пределы для величины земельных наделов.

В тех случаях, когда трудовое хозяйство по состоянию своей рабочей силы не могло выполнить своевременно сельскохозяйственные работы, допускалось применение наемного труда с соблюдением норм об охране труда в сельском хозяйстве. Одна из статей Земельного кодекса гласила, что все строения, сооружения и насаждения, соединенные с земельным участком пользователя, принадлежат последнему. Он может их продать, а новый пользователь должен предварительно спросить у местного земельного общества согласие на пользование земельным участком. Если оно откажет, дело разбирается в Земельной комиссии – это специальный земельный суд по всем земельным спорам, а также по разделам крестьянских дворов, когда один из членов семьи выделяется из двора, требуя себе доли. Обычно выходил из двора женатый сын с семьей, забирая себе часть земли и имущества.

В дополнение к Земельному кодексу была издана «Инструкция о разделе крестьянских дворов». В ней указано с первых же слов, что целью ее является установление «устойчивого» землепользования и создание «прочных товарных крестьянских дворов», т.е. создание крепких крестьянских единоличных хозяйств, дающих продукцию на рынок, – по более поздней советской терминологии, «кулацких хозяйств», на разрушение которых была брошена в скором времени вся сила большевистской государственной власти.

Попытку приостановить измелчание и оскудение крестьянских хозяйств, укрепить их и придать им «товарность» можно видеть в одной из статей Земельного кодекса, которая гласила: «Требовать раздела двора могут лишь лица, достигшие совершеннолетия и пробывшие во дворе не менее двух севооборотов, а при отсутствии правильного севооборота пробывшие не менее шести лет». Кроме того, «Инструкция о разделе дворов» ставила некоторые преграды растаскиванию двора, который мог быть объявлен неразделимым в земельном отношении в случае выхода из него какого-нибудь члена семьи. В этом случае последний получал только долю имущества в зависимости от времени,

проведенного во дворе, земельный же надел он должен получить от местного земельного общества.

Возможность выдела из общего хозяйства впоследствии сыграло злую шутку с крестьянами, желавшими выделиться.

Введение сельскохозяйственного налога. Административно-территориальное реформирование уезда. С 10 мая 1923 года продналог заменён единым сельскохозяйственным налогом, который был исчислен в хлебных (ржаных) единицах, хотя мог частично вноситься и деньгами. Сельскохозяйственный налог 1924–1925 года в связи с завершением денежной реформы полностью взимался деньгами. Сроки внесения его были таковы: с 1 октября по 31 октября – 40 %; с 1 ноября по 31 декабря – 30 %; с 1 января по 15 февраля – 20 %; с 16 февраля по 1 апреля – 10 %. Параллельно с продналогом хлеб заготавливался в порядке прямого товарообмена и через закупки хлеба, обращавшегося на рынке. Соотношение между хлебом, который поступал в порядке продналога и хлебом, закупаемым на рынке, уже в 1923–1924 года резко изменилось в пользу последнего. Сельская жизнь заметно оживилась. Еще в начале 1923 года Смолгубисполком на заседании бюро фракций рассмотрел вопрос нового районирования губернии. На тот момент население нашего края составляло два миллиона двести тысяч жителей, проживавших на территории 230 волостей и 3 757 сельсоветов (или райсоветов, как тогда называли). Руководство губернии решило сократить число волостей примерно до 100 с численностью населения от 20 до 30 тысяч человек на волость. Волостные центры должны были иметь почту, телеграф, телефон, торговые и промышленные предприятия. Таким критериям в нашей местности отвечало село Каспля.

Волость должна была стать основной низовой административно-хозяйственной единицей.

В связи с окончательным установлением границ волостей губернии 11 февраля 1924 года проходит реорганизация уезда. Постановлением ВЦИК к Демидовскому уезду, с центром уезда в г. Демидове, отнесено шесть волостей: 1. Понизовская, 2. Троицкая, 3. Касплянская, 4. Демидово-Пригородная, 5. Слободская, 6. Щучейская. Иньковская волость упразднена. Соответственно, деревня Гвоздевицы в составе Зарубинского сельского совета, образованного в 1925 году, передана в Касплянскую волость. Подчинение Совета неоднократно менялось вплоть до 1954 года, когда он был упразднен.

Начало механизации сельскохозяйственных предприятий края. Смоленская губерния как малоземельная шла не в первых рядах по части тракторизации. Даже среди специалистов сельского хозяйства шли споры о применимости данной техники в наших условиях. Против использования тракторов выступали в числе прочих и многие работники губисполкома. Но затем решили рискнуть. Смолсельсоюз в 1924–1925 годах закупил первые два трактора. Опыт их использования показал полную состоятельность идеи механизации. В следующем 1925 году закупили еще шесть тракторов. В 1926 году еще пятнадцать. К концу данного года в губернии работало уже 72 трактора. Выделяли их в первую очередь совхозам и крупным хозяйствам. На наши хуторские хозяйства они, естественно, не попали. На вооружение землеробам здешних мест техника будет поступать уже в колхозы через МТС. После появления первых тракторов знатоки из крестьян стали утверждать, будто трактор отравляет землю своими газами и через 5–10 лет земля перестанет рожать. Сознание мужика находилось еще в XIX веке.

Социально-экономическое состояние Касплянской волости. По состоянию на середину 1925 года, в Касплянской волости численность населения составляла 28 812 человек. На ее территории образовано 12 сельских Советов. Из всего населения в деревнях проживало 30 %, на хуторах – 70 %. По губернии в целом цифра была несколько иной. На 1 октября 1925 года общины охватывали 64,82 %, хуторские хозяйства и отруба лишь 34,7 %. Чем объяснить стремление земляков к обособленности и самостоятельности? Вот и верь после этого авторам дореволюционных работ о пассивности и инертности белорусских крестьян запада Смоленщины.

В отчетах по Касплянской волости 2 446 домохозяйств отнесено к бедняцким, 2 083 – к середняцким и лишь 454 хозяйства – к зажиточным. (Да и правда, откуда в здешних местах могут появиться богатые крестьяне).

Статистические справочники начала 20-х годов никогда не указывали такую категорию сельского населения, как просто «крестьяне», но классифицировали как «бедняки», «средняки» и «кулаки».

По раскладу органов власти, в конце Гражданской войны 35–40 % составляли бедняки и батраки, 55–60 % – середняки и 3 % – кулаки. Но это были первые мирные годы. Впоследствии ситуация, конечно, значительно изменится.

Что не сделала Столыпинская реформа, сделала сама жизнь. Крестьяне на основании собственного опыта поняли преимущества хуторского хозяйства. Община еще продолжала влиять на жизнь сельчан, но влияние ее уже начало слабеть. Вышел на хутор и мой дед Александр Трофимович. С каким удовольствием вспоминали про эти годы пожилые колхозники в 50-е годы XX века. «Это было почти счастье», – рассказывали они.

Однако производство являлось мелкотоварным, что было выгодно лишь самим крестьянам, но не государству. Обеспечить предстоящую программу индустриализации финансовыми средствами хутора, по господствовавшему тогда мнению, не могли. В 1928 году сталинское руководство, вскрывая «Смоленский гнойник», припомнит лидерам губернии такие высокие показатели «хуторизации», обвинив их в правом уклоне. Имелись и другие причины в упадке хуторского способа ведения хозяйства. О них будет сказано ниже.

К экономическим достижениям того периода можно отнести наличие в волости 4 потребкооперативов, 4 сельскохозяйственных кооперативов, всячески поддерживаемых властями. Имелось 2 частных лавки. Касплянский кооператив имел водяную мельницу. Сельское хозяйство административной единицы обслуживал 1 агроном. Работал кожевенный завод. Также на территории имелось 4 водяных мельницы и 2 паровых, которые находились в частных руках.

Следует сказать несколько слов о состоянии здравоохранения. Так, в 1925 году в Демидовском уезде в общей сложности имелось 10 врачей, 13 фельдшеров, 12 акушеров, 4 сестры милосердия, 1 зубной врач. Всего же медицинских работников вместе с техническим персоналом – 70 человек.

В 1927 году здравоохранение только в Касплянской волости уже было представлено врачебным участком, находившимся в селе Каспля, и коллективом медработников, в котором работали 3 врача и 13 человек среднего и младшего обслуживающего персонала. Имелся зубо врачебный кабинет. Стационар располагал 25 больничными местами. Имелось свое хирургическое отделение. В 1927 году амбулаторию посетило 13 000 человек, в 1928 году – уже 25 000 больных. Если в 1924 году коечных больных находилось на излечении 217 человек, то в 1928 году – 987 пациентов.

Денежная реформа в стране. Стране требовались деньги – на содержание армии, на восстановление промышленности, на поддержку мирового революционного движения. В государстве, где 80 % населения составляло крестьянство, основная тяжесть налогового бремени легла именно на него. Но крестьянство было не настолько богатым, чтобы обеспечить все потребности бюджета налоговыми поступлениями. Повышенное налогообложение на особо зажиточных крестьян также не помогло, поэтому с середины 1920-х годов стали активно использоваться иные, неналоговые способы пополнения казны, такие, как принудительные займы и заниженные цены на зерно и завышенные цены на промышленные товары. Как следствие, промышленные товары, если рассчитать их стоимость в пудах пшеницы, оказались в несколько раз дороже, чем до войны, несмотря на менее высокое качество. Образовалось явление, которое с лёгкой руки Троцкого стали называть «ножницами цен».

Крестьяне отреагировали просто – перестали продавать зерно сверх того, что им было нужно для уплаты налогов. Первый кризис сбыта промышленных товаров возник осенью 1923 года. Крестьяне нуждались в плугах и прочих промышленных изделиях, но отказывались покупать их по завышенным ценам. Следующий кризис возник в 1924–1925 хозяйственном году (то есть осенью 1924 – весной 1925). Кризис получил название «заготовительного», поскольку заготовки составили лишь две трети ожидаемого уровня. Наконец, в 1927–1928 хозяйственном году – новый кризис: не удалось собрать даже самого необходимого.

В 1922–1924 годах в СССР проведена финансовая реформа. Обесценившиеся в годы Гражданской войны бумажные деньги были заменены банковскими билетами – червонцами и разменными денежными знаками. При первой деноминации один рубль образца 1922 года приравнялся к 10 000 рублей в денежных знаках всех прежних выпусков. В результате находившиеся в обращении денежные знаки различных образцов были заменены знаками одного образца. При второй деноминации 1924 года 1 рубль образца 1923 года, приравнялся к 100 рублям выпуска 1922 года, или к 1 000 000 рублей в знаках до 1922 года. Обе деноминации были первым шагом к стабилизации советской валюты, покупательная способность которой снизилась в результате Гражданской войны. В ходе реформы в СССР введена в обращение твёрдая валюта – «червонец», приравненная к 10-рублёвой золотой монете царской чеканки и обеспеченная на 25 % своей стоимости золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой и на 75 % – легко реализуемыми товарами и краткосрочными обязательствами. Весной 1924 года в обращение поступили казначейские билеты. В 1921 году началась чеканка серебряной разменной, а в 1924 году – медной монеты.

Чтобы вызвать доверие населения к деньгам, размер серебряных монет и внешний их вид напоминал царские деньги, но с измененной символикой. Монеты низких номиналов выпускались из чистой меди лишь в 1924 и 1925 годах. Затем будут чеканиться из сплавов меди. Курс червонца 1 января 1924 составлял 30 000 рублей совзнаками; 4 января – 32 000 рублей; 6 января – 34 500 рублей; 9 января – 37 500 рублей; 10 января – 39 500 рублей; 13 января – 46 000 рублей; 17 января – 52 000 рублей; 22 января – 61 000 рублей; 13 февраля 1 червонец был эквивалентен 120 000 рублей совзнаками. Согласно официальному сообщению правительства, в февраля 1924 года эмиссия совзнаков прекращена. Тем не менее, к 3 марта 1 червонец обменивался за 360 000 рублей совзнаками. Впрочем, к жителям наших деревень данная астрономия не имела никакого отношения. На рынках шел натуральный обмен.

Золотые монеты имели обращение, конечно, лишь «в высших слоях атмосферы». Мне думается, моим землякам, т. е. деревенским жителям, достались медные, в лучшем случае серебряные монеты.

Тем не менее, чем черт не шутит, в один прекрасный день власть попыталась выманить у крестьян будто бы имевшиеся у них золотые монеты царский чеканки, хотя законом уже давно запрещено не только их использование, но и хранение. И вот в январе 1925 года из уездного центра в волости и сельские советы направляется разъяснение, о том, что: *«...настоящим доводится для всеобщего сведения, что с разрешения НКФ СССР Центральною Государственною Трудовою Сберегательною Кассою № 460 при УФинотделе производится покупка золотых монет дореволюционной чеканки на следующих основаниях: а/ при желании получить за монету наличными деньгами касса выплачивает за полновесную десятирублевую монету 9 р. 75 к., за пятирублевую 4 р. 87 к.*

б/ при взносе в Гострудсберкассу во вклад по книжке цена устанавливается: за десятирублевую монету 9 руб. 75 коп., за пятирублевую 4 руб. 87 коп.

Гострудсберкасса производит операции во все рабочие дни с 10 до 14 часов».

Дата. Подписи.

Не знаю, с каким энтузиазмом откликнулись крестьяне на данный призыв. Материалы архивов об этом умалчивают.

О Красной Армии. Тем временем жизнь потихоньку налаживалась. Государственные институты республики продолжали укрепляться. Ушло в далекое прошлое время, когда военные организации выселяли партийные комитеты из помещений, которые те занимали с тем, чтоб самим их заселить. Более того, как утверждалось на одном крупном совещании, были случаи физических расправ над коммунистами со стороны военных: *«...тов. Владимиров в заключительном слове указал на факты расстрелов коммунистов по милости командного состава, из которых расстреляны тов. Пантелеев, который, как выяснилось после, никакому наказанию не подлежал, ибо за ним не оказалось никакой вины и т.д.»*. Роль партии как властного органа росла.

Обстановка требовала и роста авторитета Красной Армии. Проводятся призывы среди крестьян для прохождения службы. При этом еще не каждый желающий мог туда попасть. В качестве примера возьмем 1924 год. Из документов видно, что с 1 мая этого года в уезде объявлен призыв в РККА лиц 1902 года рождения. Из Каспьянской волости призвано 415 человек.

Дальнейшим шагом по законодательному регулированию вопросов комплектования армии явился декрет ВЦИК и СНК об обязательной воинской повинности для граждан РСФСР от 28 сентября 1922 года. Он устанавливал обязательную воинскую повинность; призыв всех мужчин в 20-летнем возрасте (позднее декретом ВЦИК и СНК 21 марта 1924 года призывной возраст был установлен – 21 год). Срок службы был определен следующий: в пехоте и артиллерии – 1,5 года (с 1924 по 1939 год – 2 года); в Воздушном флоте - 3,5 года (3 года); в Военно-Морском Флоте – 4,5 года (4 года).

В СССР в данное время действовал территориально-милиционный принцип комплектования армии. Формировались территориальные войска, комплектуемые и обучаемые по территориальному признаку. Кадровая армия сохранялась, но в нее направлялось лишь 25–30 % призывников. До 75 % стрелковых дивизий, небольшая часть кавалерийских дивизий и некоторые другие части формировались по территориально-милиционной системе.

Отличительными признаками территориальных войск было наличие сравнительно небольшого кадрового состава военнослужащих; приписка военнообязанных по месту их проживания к войсковым частям, дислоцированным в данном районе или округе; периодические призывы военнослужащих, приписанных к территориальным частям, на учебные и поверочные сборы сроком не более 5 месяцев.

Лица, не подлежавшие призыву в Красную Армию по социальному признаку, несли службу в тыловом ополчении. Эти лица, кроме того, что несли обязанность по обеспечению воинских частей гужевым транспортом, облагались военным налогом на весь период нахождения в резерве ополчения, т.е. с 21 до 40 лет.

Территориально-милиционная система комплектования войск существовала до середины 30-х годов.

В указанный период наблюдается рост партийных рядов. Так, в уезде на сентябрь 1925 года, кроме собственно Демидовской, имеется еще 5 партийных ячеек: 1. Понизовская, 2. Касплянская, 3. Слободская, 4. Щучейская, 5. Троицкая. Растет Касплянская волостная ячейка. За период с 1 октября по 15 декабря 1925 года в волком подано 21 заявление о приеме в партию. Принято в члены ВКП(б) за тот же период 12 человек. Всего в партийных рядах по уезду – 127 человек. Из них в селе Каспля на учете состоит 7 членов ВКП(б).

Численность населения уезда – 156 254 человека. В волости продолжает проводиться борьба с бандитизмом.

Примерно к вышеуказанному времени относится отчет о разгроме одной из банд. Докладывается, что убито 7 конокрадов, воров и рецидивистов.

Продолжение выселений помещиков. На протяжении многих лет никак не мог решиться вопрос о выселении из своих имений бывших помещиков. На тот момент в уезде проживало 54 землевладельца, 112 человек священнослужителей, 2 жандарма, 2 сыщика, 1 исправник, 1 земский начальник. В рассматриваемый период уездная комиссия рассмотрела заключения по 55 делам об их выселении. Удовлетворено 10 ходатайств. Вообще-то помещики в своих домах продержатся до второй половины 30-х годов. Конечно, это уже не те помещики-эксплуататоры, имевшие в собственности крестьян. Помещики 20-х годов, обычные крестьяне, только поставленные властью почти вне закона и выплачивающие непосильные налоги. Однако наделами «бывшие» располагали гораздо большими, чем простые крестьяне.

Кроме всего прочего, бывшие помещики умели и извернуться, приспособившись к новым реалиям. Где-то сами проникали в органы власти и управления, где-то заводили полезные связи и таким образом находились на плаву. Так, по Демидовскому уезду средний крестьянский двор в 1928 году имел в пользовании 8,62 десятины земли, помещик – 17,64 десятины. На одного едока у крестьянина приходилось 1,55 десятин, у помещика – 2,80 десятин. К сведению: 1 десятина = 2400 квадратных сажень = 1,093 гектара. Во времена Большого террора помещики и другие благородные сословия без лишних формальностей исчезнут не только как класс, но и физически.

О потребительской кооперации. В указанный период времени определенное развитие получило кредитование сельского производителя. При этом власть отдавала приоритет обеспечения кредитами крестьянам – середнякам и беднякам. Ввиду малого размера ссудного капитала удавалось обеспечить денежными средствами лишь 4–5 % от заявок. Средний размер ссуды составлял 25 рублей 50 копеек со сроком возврата –

6 месяцев. Обеспечивались ссуды личным доверием – 33,4 %; поручительством – 57,7 %; под залог имущества – 7,5 %.

В двадцатые годы основная роль в товарообороте на селе принадлежала потребительской кооперации, то есть сельским потребительским обществам – сельпо. Члены пайщики вносили взносы (паи) и обеспечивали оборотный капитал. Хозяином кооператива по уставу являлось общее собрание пайщиков. Продавец сельской лавки выбирался на собрании пайщиков, требования к нему предъявлялись высокие. Крестьяне по договорам сдавали на заготовительные пункты под закупку промышленных товаров зерно, молоко, мясо, шерсть, лен, кожи, корье и другую продукцию. Пайщик сельпо имел право на покупку товаров в лавке. Товаров завозили небольшое количество и малого ассортимента. Первое время особенно много покупали соль и керосин, брали в запас (настрадались в Гражданскую войну). Увеличивался спрос на ситец, на посуду и другие изделия. Несмотря на оживление торговли, многие товары народного потребления были в дефиците. Например, в нашем сельпо в тот период большой редкостью были резиновые галоши. За них разгорались целые битвы. Лапти носить крестьяне уже не хотели. Галоши под шерстяной носок у женщин были в моде, так как легки и удобны. Продавцы в лавке часто продавали данный товар «из-под прилавка», за что один из них поплатился местом работы. Почти все молоко крестьяне несли в сыроварню и продавали, а для своего питания брали из сыроварни обрат и сыворотку.

Жизнь в селе оживилась в основном благодаря свободной торговле. Однако вскоре стало заметно стремление властей ограничить свободу торговли. Например, придут сотрудники из правления сельпо и указывают продавцу: Петру П. товар не продавать, он ивовое корье не сдает; Марье Н. – тоже, она молоко в сыроварню не носит, а Иван С. не рассчитался по закупке кож.

Начиная где-то с 1928 года, уездный комитет ВКП(б) постепенно начал накладывать руку на управление кооперацией, стараясь направить ее деятельность в нужное для партии русло. Появились обязательные разрядки на сдачу льна, кож и т.п. Появились специальные уполномоченные по заготовкам, чрезвычайные уполномоченные. Чисто рыночные начала начали уступать место административному диктату. На заседаниях созданных в уезде для заготовок сельхозпродукции «троек» все чаще звучала риторика фронтовых приказов.

Первые кооперативы у нас появились после издания декрета СНК от 20 марта 1919 года, согласно которому все виды дореволюционные кооперации слили в единые рабочие-крестьянские потребительские общества. К 1920 году в уезде их стало семнадцать. Сюда относились: Лоинский, Щучейский, Бородинский, Свистовичский, Дубровский, Нахаевский, Заборьевский, Луговской, Кавширский, Семёновский, Каспьянский, Рибтшевский, Велистовский, Григоро-Ниловский, Богдано-Семёновский, Ельшинский, Иньковский.

В Зарубинках также действовало потребительское общество. По состоянию на декабрь 1925 года деятельность его критикуется проверяющими. Отмечается, что: «...в октябре закуплено товаров на 388 рублей, из них 40 % товаров закуплено у частных торговцев. Продано товаров на 427 рублей. Культурная работа не ведется. Пайщиков всего 130 человек...». Почему-то комиссия, проверяющая работу кооператива, делает упор на проведение культурной работы среди жителей деревни? Являлось ли это функцией потребкооперации? И потом, какая культура могла быть у населения после многих лет разрухи и хаоса? Указывается, что в деревне Зарубинки процветают драки, пьян-

ство, картежные игры, кражи. Называются фамилии. Ну не в фамилиях, конечно, суть вопроса. Хотя и пьянствовать могли себе позволить только деревенские люмпены или крестьяне, не видевшие цели в жизни. Вышедшие на хутора с серьезными намерениями мужики чувствовали себя Хозяевами. А разве станет Хозяин пьянствовать?

5 марта 1926 года проведено выборное собрание состава правления потребительского общества. Председателем выбран житель деревни Костричино Силаенков Д. Отмечалось, что это честный, преданный делу человек, знаком с кооперативным делом. Работает в кооперации со дня ее создания Члены правления: Горанская – дочь дьякона, бывшая учительница из деревни Пожевское (На начало 50-х она была еще жива. Учителя в школе рассказывали нам, что Горанская являлась первой учительницей поэта Смолещины М.В. Исаковского. В знак признательности Михаил Васильевич разыскал ее в нашей школе и подарил сборник своих стихов с дарственной надписью. Прим. авт.); Архипенков Д.В. – середняк, авторитетен.

Силаенков вообще оказался уникальным человеком для здешних мест. Не жалея сил и часто рискуя подвергнуться нападению местных хулиганов, селянин в районной и областной прессе, не прячась под псевдонимом, разоблачал пороки и язвы, разьедавшие деревенскую жизнь. Пьянство, лихоимство – основные темы его заметок в газеты. Будучи председателем правления потребкооператива и видя, как пьет деревня, высказывался за закрытие винной лавки в селе Зарубинки.

Некоторые из кратких заметок в губернскую газету «Рабочий путь». Статья за 8 сентября 1928 года «Требование крестьянок»: *«Каспля. В селе Зарубинках при обществе потребителей работает винная лавка. Многие крестьяне свои последние рубли оставляют в стенах этого «душеспасительного» заведения. Крестьянки неоднократно подымали вопрос о закрытии этой лавки, но до сих пор голос крестьянок оставался неслышанным. Общественным организациям волости необходимо на крестьянском сходе поставить вопрос о закрытии винной лавки».* Статья за 11 октября 1928 года «Пропито 3 000 рублей»: *«Каспля. В деревнях Зарубинского и Краснодубровского сельсоветов на днях праздновали престольный праздник «Пречистое». За этот праздник крестьяне этих районов пропили около 3 000 рублей. Наряду с этим в этих деревнях нет ни избычтальни, ни хорошо оборудованного красного уголка».* Как говорят в Одессе: «а оно ему нужно было?»

Были и примеры иного рода в уезде, это уже лжепотребкооперативы, своего рода «Рога и копыта». «...Относительно с.х. отделения скажу следующее: заведывающий этим отделением А. по специальности инженер, его семейка в свое время имела около 100 десятин земли. В отделении работает С., имеющий свой хутор с десятин 60 земли. Работает два спекулянта Ш. и еще один, кажется, Ш. Работы нет никакой. Заключаются с крестьянами кабальные сделки такого рода. Весной крестьянам выдавался на посев один пуд льняного семени, а осенью независимо от урожая берут 32 фунта волокна – льна. Фунт семени сейчас стоит на рынке 1 руб. 30 коп., а пуд льна – по 18 рублей. Беспощадно бракуется первый сорт, считая его вторым и третьим, и все это идет в их бездонные карманы. Крестьянство на с.х. отделение косо смотрят и зачастую проклинаят. Чтобы выпрямить работу, необходимо вместо заведывающего А. назначить товарища Г., а тогда можно будет расформировать и удалить всю сволоту оттуда. Тов. Б., все эти три вопроса во чтобы то ни стало, надо разрешить в положительном смысле. Только тогда можно будет двинуть работу в ход.

С коммунистическим приветом К.»

К середине 1920-х годов в Демидовском уезде действовало 6 потребительских обществ. Одно в самом городе, затем Дубровское, Жическое, Заборьевское, Касплянское и Зарубинское. Касплянское потребительское общество имело 126 членов, проживавших в 32 селениях. Зарубинское имело 71 члена, проживавшего в 25 селениях Касплянкой волости.

О народном образовании. Следует немного остановиться на вопросах народного образования в нашей местности. Трудно приходилось школам в здешних местах в 20-е годы. Да и в какое время просвещение процветало в России? Почитайте Ивана Ивановича Лажечникова «Заметки для биографии Белинского». После Октябрьского большевистского переворота новое правительство издало несколько декретов о народном образовании. Церковь отделилась от государства, в школах были отстранены от педагогической деятельности все священнослужители. В нашем уезде это было осуществлено в середине 1918 года. Школы фактически перестали работать. Многие родители не отпускали детей в школу. Стали приглашать на дом священников для преподавания Закона Божия. Все это привело к тому, что в 1922 году постановлениями Губкома и Укома запрещалось проведение занятий священниками на дому и преподавание Закона Божия. Были закрыты все церковно-приходские школы. Вместо земских и церковноприходских школ открылись школы двух ступеней. Первая ступень – с 5-летним начальным обучением, вторая ступень – школа-девятилетка. В тридцатые годы пройдет образовательная реформа. Школа перейдет на семилетний и десятилетний срок обучения.

По состоянию на конец 1921 года (года глубокого экономического кризиса), в Демидовском уезде действовало 174 образовательных заведения, из них 9 школ 2-й ступени. За практически полным отсутствием денежных средств уездный отдел народного образования начал сокращать их число. Не помогли выправить ситуацию ни налог по самообложению, ни выделение школам земельных участков. Так, если взять уезд в целом, то при населении 165000 человек (1924–1925 годы) число их сократилось до 91 школы 1-й ступени.

В ученых заведениях работало 157 учителей (шкравов). В школах 1-й ступени обучалось 6337 детей школьного возраста. При этом в отчетах уездного исполкома отмечалось, что обучается лишь половина от общей численности детей, а обеспеченность школьными принадлежностями всего 10 % от необходимого. А ещё сюда следует добавить детские дома, это вообще отдельная тема.

Кроме традиционных общеобразовательных школ, начиная с 1923 года, в системе народного образования правительство РСФСР планировало открыть сеть школ крестьянской молодёжи. Учащиеся указанных учебных заведений должны были овладевать не только грамотой, но и получать сельскохозяйственные знания по агрономии, зооветеринарии и другим отраслям сельского хозяйства. Подобные школы губернские власти планировали открыть по одной в каждом уезде. Правда, сведений об открытии такой школы в Поречском уезде обнаружить не удалось. Думаю, в тот период времени желание так и осталось на бумаге. У государства не было денег и на более насущные нужды.

В 1923–1924 годах в Иньковской волости имелось 4 школы и 12 шкравов. Извиняюсь за выражение, это не оскорбление. Так стали называться учителя (шкраб – школьный работник). На данный период в школах 1-й ступени обучалось 455 учеников. Это довольно много. Ведь надо иметь в виду, что большинство крестьян продолжало оставаться неграмотными.

В тот период времени на территории Касплянкой волости работало 9 школ. В том числе одна школа 2-й ступени, которая находилась в самом селе. В отчётах отмечается

её тяжелое материальное состояние, говорится также, что средств на топливо в 1925 году не отпущено вовсе. Главной бедой считается частая смена школьных работников и, как следствие, слабость знаний учащихся. В учебных заведениях волости преподавали 32 школьных работника. Школа 1-й ступени находилась и в селе Зарубинки.

Постановлением Смоленского Губисполкома № 79 от 15 октября 1923 года объявлено об обязательности обучения в школах в 1923–1924 годах детей от 8 до 12 лет, проживавших в сельской местности. Другим постановлением от 19 октября того же года Губисполком объявлял о «Временной платности за обучение в учебных заведениях». Крестьяне относились к VI категории населения. Соответственно, плата составляла для обучавшихся в школах 2-й ступени и старших классах семилеток – 30 копеек золотом в месяц. Для обучавшихся в школах 1-й ступени – 20 копеек золотом. Речь идет о вне-сении платы не в буквальном смысле золотом в виде металла, а в пересчете на курс «золотого» рубля.

В октябре 1927 года плата за обучение детей крестьян в школах 1-й ступени была отменена.

Образовательный уровень педагогов в послереволюционной России был крайне низким. Учителями могли стать бывшие учащиеся сразу после окончания начальной школы. Из уважения к людям данной профессии не хочу цитировать составленные ими документы. При всей своей добросовестности это были дети своего времени. Вообще деревенские учителя – это настоящие подвижники.

Мне пришлось обучаться до восьмого класса в деревенской школе, в том числе и Зарубинской семилетке. Однако, это уже было другое время, другая школа и другие учителя. На базе тех старательных, но полуграмотных педагогов выросло другое поколение специалистов, с достаточно высоким уровнем культуры, широким научно-педагогическим кругозором, несших свет знаний во всё ещё отсталую деревню. Как следствие, мы, послевоенные подростки, по уровню учебной подготовки оказались не хуже выпускников городских школ, имевших намного больше возможностей и ресурсов, чем те, что имела деревня.

Средств на народное образование Укому в 20-е годы постоянно не хватало. Значительная часть педагогов не имела квартир, плохо обеспечивалась дровами, не доставало учебных пособий, тетрадей (писали на газетах), канцелярских товаров. Задолженность работникам школ Демидовского уезда в 1922 году, например, составляла 10 миллиардов рублей. На основании данных цифр трудно себе представить масштаб цен в тот период времени, но, вероятно, это значительная сумма. К слову, темпы годовой инфляции в тот год находились на уровне 8 800 %. Учителей призывали к стойкости и терпению, обещая исправить положение в ближайшем будущем. Кардинального изменения ситуации к лучшему по отношению к учительству не видно до настоящего времени.

Перед учителями ставились три основные задачи: развитие политического самосознания крестьянства; поднятие местного промышленного и сельскохозяйственного производства; распространение общей грамотности. Опять, как и с крестьянами, власть хотела получить полную отдачу, но ничего не отдавать взамен. И опять у неё это получилось.

В конце 30-х осуждение троцкистско-бухаринских вредителей и «врагов народа» становится в школе обыденным. Во всех школах вводилось празднование пролетарских праздников. В то же время в работе школы выявлялись «недостатки». Они заключались в отсутствии классовой линии, мелкобуржуазных настроениях, отсутствии антирелиги-

озного воспитания, не воспитывался будущий коммунист-борец. Все эти «недостатки» были связаны с привлечением в школу старых кадров и практически полным отсутствием новых. В школах 2-й ступени работали бывшие учителя гимназий. Постепенно школа становится политизированным учреждением. Учащиеся стали привлекать в различные политические кампании. В 20-е годы это была различная антирелигиозная деятельность: антирелигиозные вечера, проведение в религиозные праздники различных шествий и демонстраций, оскорбляющих чувства верующих, участие и активная деятельность в обществе «Безбожник».

В конце 20-х школа активно включается в осуждение «правого уклона» в партии и борьбу с кулачеством. Появление Павлика Морозова – явление не случайное, а закономерное, которое являлось следствием школьного воспитания. Расходы на народное образование в уезде в 1927–1928 годах составили 26,25 руб. в год на одного учащегося, что в 1,5 раза меньше, чем в России в 1913 году.

Чтобы как-то укрепить материальную базу школы, обеспечить детей дополнительным питанием, учебниками и наглядными пособиями, школам выделялись пришкольные земельные участки. Предполагалось, что школьники в свободное от занятий время путем возделывания участков будут приобщаться к так нужному на деревне земледельческому труду. На деле оказывалось все очень просто. Участки действительно обрабатывались, но учителями и директорами школ для собственных надобностей. Бросить в их сторону камень не поднимается рука. Учительство в России во все времена было самой обездоленной прослойкой общества.

Сводка ОГПУ от 1 декабря 1925 года отмечает, что по Касплянской волости в Зарубинском сельском совете крестьяне недовольны тем, что школы имеют только 2 учителей, которые не могут охватить всех учащихся. Там же отмечается, что учащимся нередко наносятся побои. Село Каспля имело школу 2-й ступени. В 30-х годах мой отец будет обучаться не в своей родной деревне Гвоздевицы, а селе Каспля, за 18 километров от дома в школе 2-й ступени, так как продолжить образование дома не было возможности.

За учительством следовало присматривать даже больше, чем за кулаками. Выражаясь языком тех лет, ШКРАБы являлись работниками идеологического фронта, они должны были служить делу укрепления нового режима. Однако приручить учителей не всегда удавалось. Если крестьянин в силу своей малограмотности или неграмотности, как правило, вовсе не мог формулировать свои претензии к существующей власти, то учительство представляло потенциальную угрозу режиму тем, что в головах крестьян могло посеять смуту. ОГПУ приглядывало за работниками школ особенно, а о результатах разработок регулярно доносило центру. Вот что, например, докладывало полномочное представительство ОГПУ по Смоленской губернии, в январе 1929 года: «...Состав учительства Смоленской губернии в значительной степени засорен антисоветским и классово-чуждым элементом. Значительная засоренность учительства социально-чуждыми элементами вызвала за последнее время рост антисоветских проявлений со стороны его. Среди учителей, обслуживающих сельские школы, имеется большая прослойка бывших офицеров, торговцев, попов, детей помещиков и кулаков и лиц, лишенных избирательных прав. Эта прослойка учительства отказывается от общественной жизни села, выступает с агитацией против текущих кампаний в деревне, критикуя политику партии в отношении крестьянства и заявляя, что “политика соввласти в деревне мучает крестьян”. Участниками такого рода выступлений являются преимущественно учителя с антисоветским прошлым, связанные с кулацко-зажиточной частью деревни....

В Демидовской волости заведующий школой Л.И. – сын купца 2-й гильдии, бывший крупный торговец. В 1923 году исключен из Московского университета, ныне имеет крупное хозяйство и собственный дом. Его заместитель Ц.А.М. – бывший эсер. Учитель К. – домовладелец, антисемит, имеет крупное хозяйство, не принимает никакого участия в общественной работе. Учительница Я.Ю.Я. – дворянка, дочь польского помещика. В Качановской (соседней с деревней Гвоздевицы) школе заведующий школой Пригоровский – бывший белый, обострил отношения с учителем В., имевшим большой авторитет среди учеников. В результате преследования В. последний вынужден был уйти. Когда учащимся стало известно об отъезде В., они организованно просили губОНО и уком ВЛКСМ оставить В. Так как он все же не был оставлен, то учащиеся в день отъезда прекратили занятия, организовали под руководством ячейки ВЛКСМ демонстрацию и с пением революционных песен отправились на вокзал провожать В. Никаких мер волком КП и ВЛКСМ не приняли...»

Коль ведётся речь об учителях-женщинах, составлявших костяк учительства, то нужно упомянуть и о работе органов власти с женщинами вообще. Губернский губженотдел как-то раз решил выделить свою работу перед женотделом ЦК партии. В одном из отчетов сообщалось, что в городе Демидове имеется женский клуб имени Розы Люксембург. Центр отреагировал мгновенно. Что за самодеятельность, что за клуб, кто разрешил? *«Организация женских клубов целесообразна лишь в местностях, где быт населения требует переходных ступеней к общей работе среди женщин, как например, среди татарок и пр. отсталых народностей. В условиях Смоленской губернии существование женских клубов недопустимо».* С легкой руки москвичей, не видевших вживую лиц другой национальности, татарки превратились в представителей отсталого народа. И вообще клубы – это рассадник контрреволюции. Больше двух не собираться. Пристыженные, а скорее, испуганные губернские чиновники впоследствии изливали в своих отчетах потоки пустых фраз о якобы проводимой среди женщин работе. Тем не менее, на пути создания школы не только как образовательного, но и в равной степени идеологического учреждения, над которым впоследствии партия установит безраздельный контроль, власть предприняла осторожные действия по вовлечению учительского состава школ в ряды ВКП(б). Подрастающее поколение следовало пропитать духом марксизма, а без идейности педагогов осуществить это не представлялось возможным. Закрытым письмом Оргбюро ЦК партии в феврале 1925 года довело до сведения партийного руководства губернии директиву о порядке приёма учителей в партию. Здесь снова задаются контрольные цифры, куда же без них, по приёму в партию в ближайшее время определённого числа сельских учителей. Уже к маю этого же года следовало отчитаться о результатах проделанной работы. При этом работников школы, выходцев из крестьян и не порвавших с крестьянской средой, предписывалось «принимать по второй категории», это означало, во вторую очередь. Да, по всей видимости, дети селян внушали руководству партии столько же доверия, сколько священники и офицеры. Но без приёма в члены крестьянских детей партия не была бы рабоче-крестьянской, как того требовала программа построения коммунизма.

Национальный вопрос. Из очагов культуры в Касплянской волости в 1925 году имелось 3 сетевых библиотеки, 4 – не сетевых. Работало 12 школ 1-й ступени, где обучалось 1224 человека. В самом волостном центре 1 школа 2-й ступени, где обучалось 88 детей. Кроме вышеназванных светских учреждений, на территории также действовало 7 церквей.

Близко к народному образованию и культуре примыкает национальный вопрос в губернии и Демидовском уезде в частности. В официальном отчете Демидовского уездного отдела народного образования за 1927 год говорится, что в числе прочих, в Касплянской, Иньковской волостях (вероятно, имелось в виду бывшей Иньковской волости) в наречии, быте, одежде крестьян присутствуют все признаки белорусской народности. Вместе с тем, отмечается, что по последней переписи населения 1926 года в этнически белорусском уезде зарегистрировано всего 123 белоруса, а в самом городе Демидове 18 белорусских душ.

В 1920-е и начале 1930-х годов в Руднянской волости действовали 12 белорусских школ. В городе Рудне работал белорусский педагогический техникум. Не знаю, по какой причине, но, вероятно, с подачи властей, преподавание на языках национальных меньшинств в школах постепенно свернули. Дело доходило до того, что учителя сдирали обложки с текстами на белорусском языке с тетрадей учащихся. Сами педагоги едва ли проявляли подобную инициативу. 1938 год явился знаковым, когда советская власть перестала канителиться с учащимися других национальностей, проявляя к ним отдельный подход. Отчего так? Думается, ответ надо искать в политике, проводимой властями в отношении нашего народа. Началось все с царского периода. В глазах не только властей, но и интеллигенции, ученых – белорусы – люди второго сорта. У них и речь неправильная, и одеты они всегда плохо, и мелкие ростом, и пьют спиртное излишне! Белорусскую речь называли жаргоном культурно отсталого народа. Ну, и так далее. Присутствовало снисходительно покровительственное отношение к данному этносу. Один из классиков марксизма, кажется, назвал подобный подход великодержавным шовинизмом. Пока крестьяне жили замкнуто и минимально общались с внешним миром, жителям наших деревень было безразлично, что о них думают, и кто они собственно есть. И вообще не понимали разницы между великороссом и белорусом. Приход к власти большевиков вызвал значительные изменения в укладе жизни людей. Началась невольная ассимиляция. Земляки стали стесняться своей национальной принадлежности. И постепенно в опросах, анкетах, переписях все чаще приписывали себя к русской народности. Власть это поощряла. Мой дед при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 года еще назвал себя белорусом. Его дети, в том числе мой отец и все его братья, а также сестры стали русскими. Помню, как в начальной школе в 50-е годы нам, учащимся, а учащихся в классе было всего двое, впервые учительница задала вопрос: «Какой мы национальности?» Не зная, что это такое, придя домой спросил у отца, директора Зарубинской семилетней школы и преподавателя истории: «Хто такое национальность и кто мы по национальности». Отец ответил, что мы белорусы, но лучше писать в анкетах, что мы русские. Этот разговор вскоре забылся. Потом много лет спустя, вспоминая детские годы, он всплыл в памяти вновь. Сейчас же на Смоленщине уже бесполезно искать: кто есть кто. Если касаться культурного уровня двух народов, то это легко сделать, сравнив облик российского города Смоленска с его, с позволения сказать, асфальтированными улицами, тротуарами, дворами (где можно провалиться в выбоину и исчезнуть там навсегда) и соседнего белорусского города Витебска, приближающегося к европейским стандартам.

О коммунах. По переписи 1920 года, в Демидовском уезде преимущественно на хуторах проживали латыши из бывших латышских стрелков – 913 человек; поляки, вероятно, шляхетского сословия – 240 душ. В Руднянской волости ремеслами и торговлей занималось значительное число евреев. Первые годы советской власти отношение ру-

ководства области и вообще правительства РСФСР, а затем и СССР к нацменьшинствам было достаточно терпимым.

К 1925 году в Демидовском уезде в 22 километрах от уездного центра организована сельскохозяйственная коммуна «Диво». Зачатки ее создания мы находим еще в 1921–1922 годах. Организатором коммуны являлся Михельсон. В те же годы там возникла партиячейка. К 1925 году ячейка самоликвидировалась. О причинах ее распада можно только предполагать, но с большой долей вероятности. Коммуна состояла из этнических эстонцев. Занимали коммунары бывшую помещичью усадьбу. В конце 1925 года коммуна насчитывала 36 человек. 24 взрослых работника: 12 мужчин и 12 женщин. В мае 1926 года в ней было 40 едоков, из них 26 человек старше 18 лет. Возделываемой земли имелось 116 десятин, сюда включены 56 десятин пашни. Севооборот у коммунаров культивировался восьмипольный. Весной 1926 года руководство уезда рассматривало вопрос о передаче коммуны бывшей помещичьей мельницы, расположенной здесь же, на территории поместья.

Дела коммуны шли успешно. Организация хозяйства была такова, что коммунары допускали в свои ряды только эстонцев, хотя это и не афишировалось, и являвшихся добросовестными трудолюбивыми работниками. Устав не предусматривал выдела доли коммунару, если он по каким-либо причинам ее покидал. Все движимое и недвижимое имущество принадлежало коммуне. Дети, имевшиеся у членов общества, были детьми коммуны. Эстонцы имели свою школу, духовой оркестр. В общем, хозяйство явно выделялось из общей массы хозяйств местного населения. Видя успехи коммуны, многие местные жители безрезультатно обращались с заявлениями о приеме в ее члены. Мотивируя свой отказ, коммуна ссылалась на отсутствие достаточного количества земли, хотя обеспеченность землей здесь была выше, чем в среднем по уезду. Общее собрание приняло решение, что в будущем ее членом может стать только нужный ей специалист. Таким решением она нажила себе массу недоброжелателей. У нас не любят успешные коллективы или отдельных успешных людей. Спустя некоторое время, увидев в трудолюбии эстонцев контрреволюционный уклон и за отказ вступить в колхоз, власти помогли коммуне развалиться. Те из коммунаров, кто своевременно не выехал на историческую родину, попали в Смоленский мартиролог.

Одна из коммун, под названием «Имени 8 Марта», находилась в Руднянском районе Смоленского округа. Так же, как и коммуна «Диво», организована в 1925 году. Накануне общей коллективизации сельского хозяйства в СССР, осенью 1929 года, окружком партии провёл широкомасштабную проверку всех сторон её деятельности. По всей видимости, область уже имела полную информацию об изменении политики государства в отношении деревни. Но чтобы документально обосновать идею нежизнеспособности данной формы хозяйствования, требовались веские аргументы, и они были добыты в ходе указанной проверки. Эксперименты с хуторами, коммунарами, различными товариществами по обработке земли и прочими обществами заканчивались. Общины указанного вида худо-бедно прокормить себя могли, но и только, о высокоэффективном ведении сельского хозяйства речи быть не могло. В этом можно будет убедиться, прочитав акт проверки деятельности коммуны «Имени 8 Марта».

Правительство СССР к данному моменту окончательно сделало ставку на колхозы, поскольку, по их мнению, только из них можно было черпать продовольственные ресурсы, а именно зерно? после продажи которого за границу, получать валютные средства для обеспечения ускоренной индустриализации.

По состоянию на осень 1929 года структура хозяйства коммуны была следующая. Общее количество закреплённой земли составляло 280 десятин. Имелось 7 лошадей, молодняка до 3 лет – 5; коров – 35 голов, из них дойных – 17, нетелей – 18, телят до одного года – 3; овец – 25; свиней – 5, подсвинков – 18; имелся 1 бык-производитель и один боров-производитель.

Из техники и инвентаря на балансе состоял один трактор, плуги, бороны, косилки, окучники, картофелекопалки и другой инвентарь. В общем, имелось всё для производительной работы. Обращает на себя внимание наличие трактора. К указанному времени в области их было небольшое количество и направлялись они в наиболее перспективные, с точки зрения властей, хозяйства. Объяснить его появление в общине можно лишь кадровым составом коммуны.

Коммуна состояла из тринадцати семей, с количеством едоков 53 человека. Из 13 лиц мужского пола 4 человека являлись членами ВКП(б), 4 человека состояли в кандидатах, имелись также члены КСМ, в акте не указано их число. После ознакомления со сведениями о партийности коммунаров запрашивается объяснение причины наличия у них трактора. Похоже, что данная община – детище областных властей. На неё возлагались определённые надежды. Состоявшая из партийцев, по замыслу её создателей, должна была показать и большевистский ударный труд. Трактор в таком случае оказывался вполне к месту. Однако коммунары не оправдали надежд. Проверка их деятельности это подтвердила.

Строки из итогового документа: *«Капитало-накопление в коммуне отсутствует, потому что излишки от доходности хозяйства идут на уплату долгов, числившихся за коммуной (уплата за трактор и старая задолженность)».*

О социалистическом соревновании: *«Разъяснительной работы ячейкой о социалистическом соревновании среди коммуны не ведётся. Сами члены коммуны в социалистическое соревнование не втянуты. Был заключён договор с с.х. артелью Белозёры по вспашке под зябь, по обмолоту и посеву ржи к 25 августа, но результатов выполнения договора ячейка не знает. Вопросы о культурном развитии и переустройстве быта ячейкой не разрешались, а поэтому и пьянка, и религиозные убеждения в коммуне имеются».*

Далее в акте отмечались слабая трудовая дисциплина и невысокий моральный уровень членов партийной ячейки.

Примеры. Скудри – член ВКП(б) с 1927 года, с 1928 года и по сие время подавал три заявления с просьбой, чтобы его исключили из партии, ссылаясь на свою болезнь, но когда разбирались его заявления, он заявлял, что *«в партии состоять нет никакого расчёта, потому что нет равноправия. Из центра или области каждый год ездят на курорт, а я просился, но меня не послали».* В конце концов, его просьбу удовлетворили.

Кухаренков – кандидат в члены ВКП(б), работал на мельнице и кроме установленного размера платы за помол, брал сверх нормы лично для себя. Об этих действиях имеется заметка в стенгазете.

Петровский – кандидат в члены ВКП(б), не работал полный месяц, сказываясь больным, но созданная комиссия пришла к выводу, что он симулянт. Кроме того, замечен в пьянках.

В акте также отмечена низкая активность коммунистов в организации празднований революционных дат. Кроме этого, отмечено, что партиячейка из-за неумелой агитации не может расширить свой состав, крестьяне не хотят вступать в партию, объясняя это своей неграмотностью, а также из-за того, что *«коммунистов много гоняют по деревням».*

Но большая часть акта проверки посвящена направлениям, которые делают саму идею претворения в жизнь коммунистических принципов невыполнимыми. Это и отсутствие сверхсознательного отношения к труду, низкий уровень пропагандистской активности, запущенность работы по политпросвещению крестьян, политической работы среди женщин. Как дань моде того времени отмечалось отсутствие в общине критики и самокритики, антирелигиозной работы. На коммунаров власти возлагали надежды по выполнению ими всех видов идеологической деятельности, которые были популярны в обиходе областных начальников. Ничего сделано не было. Ещё следует сказать о проявлениях недовольства членов коммуны уравнильным принципом распределения благ. Многодетные семьи потребляли общественный продукт в том же количестве, что и мало-семейные. Члены коммуны, имевшие малочисленный состав семьи, высказывались по этому поводу так: «Мы работаем на других».

В общем, из всего сказанного можно сделать вывод, что хозяйство работало только на себя и с такой же низкой отдачей? как другие подобные общины, где в составе коммун коммунистов не было вовсе. Полученные от области преференции не отрабатывались. Поскольку эффективность хозяйства оказалась низкой, то власти без сожаления его ликвидировали.

Кризисные явления в политике хуторизации. Вышедшие на хутора крестьяне, как правило, были трудолюбивы, а значит, постепенно становились зажиточными. Уровень их материального благосостояния неуклонно повышался. На другом полюсе находилась беднота. Тут нужно признать, что не все бедные крестьяне были отъявленными бездельниками. Много есть причин, ввергающих людей в нищету и бедность.

К 1926 году темпы роста выхода на хутора замедлились, хотя политика государства по отношению к крестьянам еще не изменилась. Оказалось, что хуторизация имела и другую, отрицательную, сторону. Сама жизнь провела естественный отбор. Крепкие хутора имели на вооружении более производительный сельхозинвентарь, что влекло лучшую обработку земли. Здесь эффективнее применялись удобрения, шире применялось многополье. Крестьяне, не имевшие деловой хватки и достаточного трудолюбия, выдвигались из экономической ниши. К тому же, если они начинали дробиться путем выдела, например, сын заводил семью и требовал себе земельный участок, то в результате оказывалось, что ни отец, ни сын не могли эффективно вести землепользование.

Несмотря на сомнения в вопросе выбора форм хозяйствования, организовываться в колхозы деревни не спешили. Так согласно данным Губернского земельного управления по состоянию на 1925 год, в Поречском уезде имелся лишь один колхоз. При этом во всей губернии числилось 183 обобществлённых хозяйства, из которых 145 артелей и 38 коммун.

По отношению к 1916 году дробление хозяйств в процентном отношении по губернии выглядело следующим образом. В 1920 году – 110 %; в 1922 – 117 %; в 1923 – 128 %; в 1924 – 135 %; в 1925 – 139 %; в 1926 – 142 %.

Руднянская волость. Здесь жители 17 деревень, имевшие в ведении общины незначительный по площади массив земли, разбились на 536 хуторов с 1020 участками. Все это могло привести только к разорению. Часть крестьян уходила в город, где тоже не всегда находила себе место, часть крестьян пополняла ряды батраков. Началось быстрое расслоение деревни на зажиточных, средних и бедняков. Не имевшие возможности податься в город или выправить свое хозяйство владели жалкое существование. В тех же сводках ОГПУ за 1925 год читаем, что по Демидовскому уезду из общего числа

населения 5 % населения можно отнести к зажиточным, 45 % – к середнякам, 50 % – бедняков. До 8 % домохозяйств безлошадных и бескоровных. Читаем далее: «Каспьянская волость – бедняки целыми семьями сидят без хлеба, проели последнюю скотину, стоят по два дня в очереди за фунтом хлеба, покупают и едят вику. Такое положение держится уже около двух недель. За неимением семян, главным образом, картофеля, поля во многих местах остались незасеянными...»

В нашей волости на 15 августа 1925 года насчитывалось 5 200 домохозяйств, из которых 414 не имели лошадей, 241 хозяйство не имело ни одной коровы. По одной лошади имели 539 хозяйств, а 1377 хозяйств имели двух коров.

Сводка ОГПУ за один из последних месяцев 1925 года подчеркивала, что крестьяне недовольны высоким налогом. Большинство населения не имеет своего хлеба уже с осени. Приходится покупать хлеб по более высокой цене, чем сдавали. Лесоматериалов отпускается недостаточно. Дров продают тоже недостаточно. Тем не менее, в 1926 году в волости продолжалась передача земли крестьянам. Всего в течение года планировалось передать 3616 десятин земли. К середине года передано в пользование 1806 десятин. К концу года план предполагалось выполнить. Землеустроительные работы продолжались и в 1927 году.

23 июля 1927 года Уком заслушал вопрос «О ходе землеустроительных работ по уезду». Вопросы, поднятые на заседании.

1. Участие партийцев в землеустройстве.
2. Чем объяснить, что кредит для бедноты полностью не используется?
3. Основная причина задержки землеустройства?
4. Сколько было заявок на поселковую форму землеустройства и сколько удовлетворено?
5. Были ли случаи заявок на поселки только для того, чтобы скорее землеустроиться?
6. Были ли случаи, когда землеустроители сами признают – хутор лучше?
7. Достаточно ли руководства землеустроителями со стороны УЗУ?
8. Достаточно ли связь с местными органами землеустроителей?

В своем Постановлении по данным вопросам Уком мягко, без нажима рекомендует органам землеустройства проводить линию по выбору не хуторской формы землепользования, а поселковой. Время диктата еще не наступило. Идет естественный процесс формирования хозяйств в русле тех законов, которые на тот момент существовали.

Снова о сельских Советах. Вернемся опять к вопросу о сельских советах, к выборам в его состав. ОГПУ – глаза и уши партии и государства, конечно, не оставило это мероприятие без своего внимания.

В отчете в губернское полномочное представительство докладывается, как проходили выборы депутатов в состав Зарубинского сельского совета в октябре 1925 года. Отмечается, что на собрании присутствовало 420 человек. При этом, несмотря на то, что женщин было меньшинство – всего 107 человек, тон в ходе выборов задавали они. Из уважения к своим землякам не буду называть фамилий, тем более, многие из них были достойными людьми, несмотря на наветы на них. Тут тоже сводили счеты друг с другом. Некоторые из получивших отвод потом погибли в партизанских отрядах или на фронтах Великой Отечественной войны. На собрании правду-матку говорили прямо в глаза. Одних отведенных женщинами кандидатов обвиняли в бывшем бандитском прошлом, других – в пьянстве, третьих – в воровстве, четвертых – в аморальном поведении. Тем не менее, учитывая активную позицию крестьян, создается впечатление, что население деревни как бы начинает признавать советскую власть. А куда ему деваться?

Из сводки № 2 информотдела ОГПУ о ходе перевыборов советов на 18 декабря 1925 года.

...По Смоленской губ. количество участвующих в перевыборах колеблется от 40 до 60 %. Лишь по нескольким районам Сычёвского у., где на перевыборах присутствовало 24–28 % – назначены вторичные перевыборы. По губернии в перевыборах принимают активное участие женщины. По некоторым сельсоветам из общего числа участвующих на перевыборах присутствуют 30–40 % женщин...

В Демидовском у. по Касплянскому району всего имеется избирателей 1772 чел., из числа которых участвовало в выборах 732 чел., в том числе 192 женщины.

Смоленская губ. 30 ноября. Крестьянин дер. Пильчок (Пилички) Демидовского у. Калачев на предвыборном собрании Касплянского сельсовета заявлял, что партия всё ещё делает нажим при выборах (имея в виду лишение избирательных прав чуждого элемента), а в результате чего в ВИКах и УИКах сидят одни партийные. «Необходимо дать полную свободу выборов, тогда бы Вы посмотрели, как бы прошли коммунисты». Калачёв является зажиточным, раньше был в сельсовете, но за взяточничество и пьянство выгнан оттуда.

Смоленская губ. 30 ноября. В Марищенском сельсовете Демидовского у. зажиточные крестьяне деревень Ясники и Денисовки под руководством быв. начальника милиции Сорокина создали группировку с целью провалить быв. председателя сельсовета, РКП. На собрании эта группа, пытаясь дискредитировать, обвиняла его во взяточничестве.

Смоленская губ. 30 ноября. В сельсовет дер. Березуги Демидовского у. избран гражданин Можайко и его жена Мацкевич – дочь быв. помещика, вычищенного при чистке соваппарата из Слободского страхогентства. При перевыборах в Буболевский сельсовет Слободской вол. Демидовского у. избраны Добневич, судимый за бандитизм и по приговору суда условно высланный на два года из пределов губернии, Бувевич, также судимый за бандитизм, и Ляхов, находящийся под следствием за растрату.

Из приведённой сводки ОГПУ можно сделать вывод о либеральном характере Конституции РСФСР 1925 года, которая позволила быть избранными в Советы приведённой выше категории граждан.

Что касается ограничений избирательных прав, то Статья 69 Конституции указывала: «Не избираются и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовые доходы, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие является профессией;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов;
- е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными;
- ж) лица, осужденные за преступления с поражением в политических правах на установленный судебным приговором срок.

Открытие в селе Зарубинки Народного дома. К одиннадцатой годовщине Октябрьского переворота, то есть в ноябре 1928 года, село Зарубинки получило Народный дом. Подарок любезно преподнес уже упоминавшийся ранее местный священник 58-летний Боровиков Иван Васильевич, заблаговременно выселенный из собственного жилья. В апреле 1930 года в 60-летнем возрасте, как представляющего исключительную опасность для общества, его арестуют, осудят тройкой ОГПУ по статье 58-10, 11 УК РСФСР и вышлют за пределы Западной области.

Иван Васильевич – коренной житель этих мест. Здесь он родился. Теперь вот пришлось уехать в неизвестность. Статья 58-10 УК (редакция от 6 июня 1927 года) предусматривала ответственность за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений. Статья 58-11 УК карала за всякого рода организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой. Батюшка легко отделался. На нем одним из первых в здешних местах начали обкатывать практику назначения наказаний в соответствии с поправками в уголовный кодекс 1927 года. Позже за подобные «преступления» минимальное наказание будет назначаться не ниже 10 лет ИТЛ. Не посмотрели бы и на возраст. В освобожденном и отремонтированном доме священника разместился сельский совет и Нардом.

Постановление ВЦИК и СНК «О самообложении». Вместо принятого 29 августа 1924 года «Закона о самообложении» принимается Постановление ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 года по данному вопросу. Реализация закона, а затем и Постановления давала возможность властям привлекать средства сельского населения для финансирования хозяйственного и культурного строительства в деревне. Таким образом, деньги, оставаясь в местном бюджете? должны были расходоваться для нужд самой деревни. Самообложение проводилось по решению схода и было обязательно для всех граждан данного селения. Определялись объекты, на которые следовало направлять деньги, собранные в порядке самообложения. Для принятия решения простым большинством голосов требовалось присутствие на сходе не менее половины граждан поселения, обладающих избирательным правом. Если сход не состоялся по причине неявки необходимого числа граждан, то повторный сход считался действительным при любом количестве собравшихся. Самообложение допускалось в денежной и натуральной форме, а также в виде трудового участия и не должно было превышать 35 % от единого сельскохозяйственного налога. Это был дополнительный налог.

Крестьяне, подогреваемые зажиточной частью населения, глухо роптали по поводу нового налога в разговорах между собой. На сходах и собраниях, проходивших зачастую бурно, звучали антисоветские лозунги и призывы. Собрания часто срывались кулацкими элементами. Направлялись письма в газеты, в различные инстанции. Но по большому счету деревня, погрязшая в бескультурье и невежестве, нуждалась и в школах, и избах-читальнях, клубях.

В 1920-е годы традиционные крестьянские общины постепенно трансформировались в земельные общества, из ведения которых государство исключило и передало сельским советам функции местного управления и налогового обложения. На протяжении 1927 – 1928 годов осуществлен ряд мероприятий по ослаблению земобществ (крестьянской общины). Теперь деньги крестьян по закону о самообложении, т.е. общинные

деньги, собирал и расходовал сельсовет. В нашем случае Зарубинский сельский Совет. С тех далеких времен повелось, что в отличие от общины, где обязательно докладывалось о том, куда потрачены общественные деньги по окончании года, председатель сельсовета не всегда имел обыкновение отчитываться о расходовании денежных средств селян.

Правда, в актив властей по использованию денежных средств налога по самообложению необходимо записать весьма полезное дело. В начале 1926 года в деревне Толкуны Касплянской волости на средства селян построили школу. В 1928 году поселение оформилось как деревня. В 50-х годах XX века здесь находилась семилетняя школа. В 1953–1955 годах в качестве директора в ней будет работать мой отец. Деревни тогда уже не было, только школа. По всей видимости, поселение сгорело во время Великой Отечественной войны, примерно в 1942 году.

Основной территориально-административной единицей 1920-х годов являлась волость. Волостной исполнительный комитет обладал такими административными правами, как сбор сельхозналога, страховых платежей. В случае неуплаты их имел право описи имущества и продажи его с последующим погашением задолженности. Обладал полномочиями накладывать штрафы за лесонарушения. Постановления ВИКа в случае отказа их добровольного исполнения приводила в исполнение волостная милиция. Дела по мелким штрафам приводили в исполнение сельсоветы. При волисполкоме имелось бюро принудительных работ. Для раздела земельных участков запрашивалось заключение сельсовета, после чего земкомиссия выносила свое решение.

И снова о церкви. Чтобы охватить, как можно шире спектр общественной жизни, придется вернуться к вопросу борьбы власти против религии. Вообще-то эта борьба не прекращалась практически весь период существования коммунистического правления. Но были периоды наиболее активной борьбы. Объектами нападков являлись приверженцы не только традиционных религиозных течений, но и экзотических для наших мест. Например, в сводке ОГПУ от 12 апреля 1926 года отмечается, что «в Касплянской волости имеется 6 человек верующих евангелистов. Евангелист деревни Костричино Калистрат Громаков готовит почву для создания секты евангелистов». При этом не уточняется, каких евангелистов представляет Громаков: баптистов, методистов, адвентистов, пятидесятников или других. Хотя мое примечание адресуется больше к теологам, они лучше знают, кто такие евангелисты и какие течения евангелистов существуют. Вероятно, сотрудники ОГПУ тоже не знали, с кем имеют дело. Однако, при любых обстоятельствах, в их глазах Громаков – очень подозрительный человек и его нужно взять на карандаш.

Увлечение сектантством крестьянину даром не пройдет. К сведению читателей – выписка из Книги Памяти жертв политических репрессий Смоленской области: Громаков Калистрат Мартынович, 1892 г.р. Уроженец Руднян. р.д. Костричино. русский; б/п. к-з д. Лобово Смолобл. Арестован 01.07.37. Осужден 10.11.37 Тройки УНКВД Смол. обл. Расстрелян 16.11.37.

В той же сводке с удовлетворением отмечается: «из 22 зарегистрированных браков лишь 2 зарегистрировано в церкви. Люди говорят: лучше купить плуг, чем идти к попу...»

Заметка в газете «Рабочий путь» за 9 сентября 1928 года «Поповский налог»^ «Каспля. Священник Зарубинской церкви Боровиков и церковный староста кулак П. совместно установили плату за венчание – 3 рубля, панихиду – 1 рубль, крестины – 70 копеек и т.д. Выдвинуты специальные уполномоченные для сбора трудовых полтинников. Многие крестьяне отказываются вносить поповский “налог”. Один крестьянин-старик

из деревни Гвоздевицы поп – уполномоченному ответил: “Лучше облигацию возьму, нежели вам отдам”».

Атеистическая пропаганда начинает приносить плоды. Но только вряд ли из чистых атеистических соображений крестьяне перестали регистрировать в церкви акты гражданского состояния. Дело в том, что регистрация актов в церкви в то время уже не имела юридической силы. (Регистрация актов гражданского состояния изъята из ведения церкви декретом СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля 1918 года) Крестьяне это понимали, ну и травля священников побуждала лишний раз не обращаться к батюшке. Еще в 50-е и 60-е годы XX века регистрация, скажем, смерти в деревне чаще всего не проводилась, как в сельском совете, а до 1929 года в волостном совете так, одновременно, покойника не отпевали и в церкви. Просто хоронили селянина на деревенском кладбище и все. Так был похоронен мой дед Александр Трофимович. На данный момент по памяти известен лишь год его смерти. Так были похоронены мои бабушки: Александра Акимовна и Фёкла Ефремовна, тетка Дарья Трофимовна. Так хоронили всех жителей деревни Гвоздевицы. Причинами данного явления следует считать то обстоятельство, что регистрацию смерти сельсовет мог провести лишь на основании медицинской справки о смерти. Для получения же справки покойника следовало везти в больницу села Каспля, которая находилась в 18 километрах от деревни, где бы могли засвидетельствовать факт смерти. Для крестьян это было неподъёмно, тем более, что никаких юридических последствий для родственников покойного факт смерти селянина не вызывал, а земли на деревенском кладбище всегда было достаточно, и разрешение на захоронение никто ни у кого не спрашивал. Кроме того, для власти бывший крестьянин уже не представлял интереса. Он был нужен как объект выполнения всевозможных повинностей, пока был живым.

Сталин и крестьяне. Еще 13 апреля 1926 года, нападая на «левых» в своем ленинградском докладе «О хозяйственном положении в политике партии», Сталин резко осуждал тех, кто рассматривал «трудящиеся массы крестьянства как чужеродное тело, как объект эксплуатации для промышленности, как нечто колонии для нашей индустрии». При обсуждении предложения Л. Троцкого о строительстве каскада электростанций на Днепре также заступился за крестьян: «...строить Днепрострой – это значит отнять корову от мужика и на вырученные деньги купить ему граммофон». Но вскоре секретарь ЦК поменял свою точку зрения на прямо противоположную.

Ликвидация административно-территориального образования «Демидовский уезд». В целях дальнейшей оптимизации управления административно-территориальными единицами постановлением Президиума Губисполкома от 26 сентября 1927 года с 1 октября 1927 года Демидовский уезд ликвидируется. Часть уезда вместе с городом Демидовым, а также прилегающие волости, в том числе Касплянская, куда включён Зарубинский сельский совет, отнесены к Смоленскому уезду.

Трудности в вопросе хлебозаготовок. В 1927 году, несмотря на хороший урожай, начались проблемы с государственными заготовками. Более того, крестьянство и традиционные нэповские торговцы хлебом повели себя очень странно. Урожай в тот год оказался высоким, следовательно, цены на рынке должны были снижаться. Этого не случилось, торговцы в ожидании войны с Англией (была такая вероятность, однако дело закончилось дипломатическими демаршами. Слухи по поводу войны прессой подогревались, а народ, соответственно, предпринимал свои меры жизнеобеспечения). Резко поднялись цены на зерно, муку и хлеб. Что могло ожидать правительство, случись

военный конфликт. Наступил момент истины. Кроме этого «патриотизма», очевиден был и ежегодный сезонный весенний не мотивированный недостатком зерна спекулятивный рост на хлеб. Например, базарные цены на пшеничную муку к 1 апреля 1928 года установились 3 рубля 90 копеек, 1 марта 1929 года – 26 рублей 64 копейки, 1 апреля 1929 года – 28 рублей 32 копейки. Фактически со стороны хлебопроизводителей и торговцев правительству объявлялась война. И Сталин приступил к решению крестьянско-го вопроса.

Александр Солженицын цитирует свидетеля тех событий Б. Бруцкуса – с конца 1926 года. «Реакция началась с удаления частного из торговли зерном. Затем последовали запреты скупки кож, масличных семян, табаку... летом 1927 года началось нормирование цен в частной торговле». Правительство закрыло рынки, базары. Крестьяне в ответ сократили посевные площади – слишком велика была разница между государственными закупочными ценами и базарными ценами.

Обсуждение на местах тезисов ЦК ВКП(б). В октябре 1927 года перед XV съездом ВКП(б), выполняя установки ЦК, в партийной организации волости проходило обсуждение тезисов ЦК и точки зрения оппозиции на дальнейшее развитие государства. Волостная ячейка с гордостью доложила в Смоленский УКОМ, что обсуждение прошло очень живо, заинтересованно, с соблюдением норм партийной демократии. Среди вопросов, которые волнуют местных большевиков, есть и такие: «Почему меньшевики и торговцы идут за оппозицией? Кто из лидеров будет исключён? Почему до сих пор не исключены из партии лидеры оппозиции? Какие контрреволюционные документы печатались в типографии оппозиции? Кто руководит партией – Сталин или коллектив? Почему не печатают платформу оппозиции? Предусмотрена ли обрезка земли в тезисах ЦК?» Ну и так далее. В прениях звучали мнения о том, что «жалко исключать из партии лидеров оппозиции, как старых заслуженных подпольных работников и преждевременно». «Надо напечатать платформу оппозиции. Мы мало знаем секретных документов и не знаем кто прав».

О, простота и наивность провинции! Обсуждение и было затеяно, в том числе с целью выявить наиболее самостоятельных коммунистов, имеющих свое мнение. Как пожалеют вскоре многие из них о сказанном. Пройдет не так много времени, и уцелевшие большевики будут греметь на собраниях по поводу приговоров на многочисленных судебных процессах: «Смерть бешеным псам империализма! Пусть бурьяном порастут их могилы!» И «...слава, слава, слава товарищу Сталину!» Наступали зловещие времена.

Сворачивание НЭП. В 1927 году правительство НЭП начинает сворачивать. Динамика его развития в деревне такова:

а) 1921–1922 годы. Медленное восстановление деревни после военной разрухи, бедствий голода. 1923–1924 годы. Ликвидация последствия голода, «продармейский подход» и репрессии еще сильно ощутимы.

б) 1924–1927 годы. «Настоящий НЭП» – без принудительных заготовок и непосильных налогов. Многоукладность экономики. Складывание системы рыночных отношений. Рост кооперации.

в) Осень 1927 – осень 1929 года. Слом НЭПа: нагнетание оборонного психоза, репрессии, чрезвычайные хлебозаготовки и, как результат, – грубое свертывание рыночных отношений, переход к командно-репрессивной системе управления.

Вообще-то политика НЭПа, давая экономическую свободу предприимчивым, больно ударила по наиболее неприспособленным к превратностям жизни слоям населения.

Мелкие крестьянские хозяйства разорялись. Потерявшие землю крестьяне и люмпенизированная часть деревни уходили в города, где их не ждали. Там тоже была безработица. Если требовались рабочие руки, то пригодные к квалифицированному труду. Таким образом, в городах, и так неблагоприятных в криминогенном отношении, преступность увеличивалась за счет выходцев из деревень.

Как пример негативных результатов начала слома НЭПа можно привести положение в соседней Руднянской волости. В октябре 1927 года уже стало известно о предстоящем XV съезде ВКП (б) и вопросах, которые предполагалось на нем рассмотреть. Город Рудня (до 1926 года местечко) в то время один из торгово-ремесленных центров Смоленщины. Здесь находились льнозавод, множество заготовительных контор, ремесленных артелей, да и просто спекулянтов разных мастей.

Освоившись за годы относительной свободы и чувствуя приближение мер ограничений, местная верхушка перешла в наступление. Во второй половине октября 1927 года в городке совершен ряд террористических актов. Неизвестные лица подожгли здание местной школы, однако принятыми мерами пожар был потушен. Сожжены сараи с запасами зерна ржи и овса. Полностью сгорела только что построенная двухэтажная девятилетняя школа. Поджигали здание педагогического техникума. Как потом установило следствие, злоумышленники облили керосином, но не успели поджечь ряд зданий советских учреждений. Впрочем, неизвестные лица на самом деле были хорошо известны органам ОГПУ и населению.

По уторам и деревням проходили тайные сходы кулацкого актива, а также нэпманов с целью посеять недовольство среди населения. Сельские жители иногда велись на выдвигаемые лозунги и требования, хотя и видели от кого они исходят. Недовольными являлись заготовители различной сельхозпродукции, завбазами и складами, которые за бесценок скупали кожсырье, лен, другой продукт, производимый в деревнях, и затем втридорога ссужали его или продавали нуждающимся. Так что, вероятно, не совсем был неправ Иосиф Сталин, когда говорил, что по мере продвижения к победе социализма сопротивление новой власти будет нарастать, хотя данный лозунг он выдвинул несколько позднее.

Несмотря на возросшую силу ОГПУ, советской власти все труднее становилось держать деревню под контролем. «Бывшие» любыми средствами старались удержать свое влияние.

Из сводок ОГПУ: «30 ноября. В сельсовет дер. Березуги Демидовского у. избран гражданин М. и его жена М. – дочь быв. помещика, вычищенного при чистке совпарата из Слободского страхагенства. При перевыборах в Буболевский сельсовет Слободской вол. Демидовского у. избраны Д, судимый за бандитизм и по приговору условно высланный на два года из пределов губернии, Б., также судимый за бандитизм, и Л., находящийся под следствием за растрату». «30 ноября. В Марищенском сельсовете Демидовского у. зажиточные крестьяне деревень Ясники и Денисовки под руководством быв. начальника милиции С. создали группировку с целью провалить быв. председателя сельсовета, члена РКП. На собрании эта группа, пытаясь дискредитировать, обвиняла его во взяточничестве». «22 февраля. На перевыборном собрании в дер. Лобаново Пригородной вол. Демидовского у. активно выступала кулацкая группировка, состоящая из 9 человек. Кулаки стремились разжечь антагонизм между бедняками и середняками, что им и удалось сделать».

Нагнетание оборонного психоза. Что касается оборонного психоза, нагнетаемого не только среди населения, но и в школах, то он тоже имел место. К лету 1927 года СССР, ввиду проводившейся им политики по «экспорту революции», оказался втянутым в конфликт с Великобританией. 27 мая Великобритания расторгла британо-советские торговые и дипломатические отношения. В СССР эти события были преподнесены как подготовка к новой иностранной интервенции, в стране началось нагнетание «предвоенного психоза».

В июле 1928 года Центральный Комитет профсоюза работников просвещения издал бюллетень, где подробно расписывал задачи учительства по оборонно-массовой работе среди учащихся. При этом особенно делался упор на привлечение к данной работе учителей-женщин.

XV съезд ВКП (б). В декабре 1927 года в стране произошёл государственный переворот. Официально переворот назывался XV съезд ВКП(б). Скрытый характер случившегося заключался в том, что съезд с подачи Сталина и его «команды» отменил новую экономическую политику, не объявляя о её отмене. Делегаты, голосуя за «всемерное развёртывание коллективизации сельского хозяйства», своими руками хоронили НЭП.

XV съезд ВКП (б) провозгласил курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства. Идея сплошной коллективизации выдвинута Сталиным в речи по поводу кризиса хлебозаготовок в январе 1928 года. Там же он намекнул попутно на возможность массовой экспроприации кулаков. Несмотря на то, что были приняты энергичные меры, чтобы обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, сказал он, следует ожидать такого же саботажа в следующем году, и вообще всегда до тех пор, «пока существуют кулаки». Но кем заменить кулака как основного поставщика зерна? Сталин предложил как можно быстрее увеличить в хлебной торговле долю государственных и коллективных хозяйств, чтобы «в течение ближайших трех-четырёх лет» они смогли обеспечить по меньшей мере треть поставок зерна и тем самым снизить для государства угрозу кулацкого саботажа.

Сталин и его окружение посмотрели в сторону крестьян. В эту же сторону посмотрело и все его партийное окружение. Молотов: «За счет крестьян – другого выхода тогда не было, без крестьян ничего нельзя было сделать. За счет крестьян – все были согласны, потому что рабочие и так отдавали все, что у них есть. У буржуазии уже все отняли».

К мыслям вождей следует добавить и то, что за счет рабочих объективно не могла пройти индустриализация, а не только потому, что они отдавали все. Продукцию промышленных предприятий на западе не взяли бы задаром. Качество и ассортимент изделий полукустарных производств были ниже всякой критики. Такие виды сырья, как нефть, газ, руды, металл – источники валюты, и на чем держится наша современная экономика, тогда еще не были разведаны и не производились ввиду той же отсталости. В то же время хлеб, выращенный крестьянами, только он мог дать валюту для закупки за границей оборудования, станков и целых предприятий.

К вопросу о целесообразности коллективизации сельского хозяйства. Как считали советские учёные, даже если бы не трогали крестьянство, и оно развивалось дальше естественным путем, например, путем фермерского устройства, то прирост ВВП по расчётам составлял бы 2 % в год. Поэтому подобная ситуация не могла устраивать правительство. Для того, чтобы выйти из разрухи Гражданской войны и догнать развитые страны Запада следовало обеспечить более высокие темпы развития, а именно через коллективизацию обеспечить более эффективное ведение сельского хозяйства.

В современном научном мире с устоявшейся точкой зрения о правильности решения большевиков провести обобществление средств производства в деревне согласны далеко не все. Например, в работе, изданной Принстонским университетом в 1992 году на основе исследований Голанда Хантера и Яноша М. Ширмера «Негодные основы. Советская экономическая политика в 1928–1940 гг.» , авторы пришли к любопытному выводу. Там утверждается, что *«советское сельское хозяйство в том виде, в каком оно сложилось к 1928 году, продолжало развиваться следующие 12 лет, то его уровень был бы примерно на 14 % выше фактического. Ликвидируя единоличные (в том числе хуторские) хозяйства, власти рубили тот сук, на котором держалась и могла держаться Россия»*.

Сторонники официальной позиции возражают, что исследование, проведённое учёными Принстонского университета, заказное и тенденциозное. Однако, по какой же причине фермерские хозяйства Канады и Соединённых Штатов Америки вполне эффективны и обеспечивают хлебным зерном не только себя, но и поставляют на мировые рынки в количествах, покрывающих все потребности покупателей. Российские фермеры могли бы быть нисколько не хуже американских.

Конечно, о результатах работы заокеанских фермеров во времена Маркса ещё не было известно основоположникам учения. В контексте того исторического периода Карл Маркс предрекал мелкому собственнику полную и неизбежную гибель по мере развития крупной промышленности. Со своей стороны, Фридрих Энгельс в крестьянине-фермере видел лишь будущего пролетария. Этот слой общества, по их мнению, не был типичным для капитализма, а представлял собой случайный остаток устаревшего или устаревающего феодального общественного устройства. Непременным условием существования социализма они считали крупное коллективное землевладение.

Марксистское учение не выработало чёткого плана социалистических преобразований. Но основные черты будущего общества просматривались в критике сути капитализма.

Основными целями марксистов являлись ликвидация частной собственности, отказ от рынка, от денег, превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих при коллективных хозяйствах и т.д. При этом Маркс с одобрением относился к идее принудительных мер при реализации поставленных задач.

После окончательной победы пролетариата над буржуазией новый крестьянский быт, по Энгельсу, представлялся как высокомеханизированный, с использованием электричества, газа, организацией общественного питания для трудящихся, горячим водоснабжением, возможностью получения других благ цивилизации. При этом предполагалось, что мерилom общественного богатства будет не рабочее, а свободное время, используемое для интеллектуального и духовного развития личности. Так основоположником рисовалось прекрасное будущее.

Российская реальность не совпала с идеальной картиной, отображённой в марксистской теории. Россия оказалась слишком тёмной и отсталой страной, совершенно не готовой к подобного рода преобразованиям. Здесь капитализм ещё не достиг того уровня в развитии, с которого предполагали стартовать основоположники, он ещё только зарождался. Кроме того, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, а также их сторонники не учли в достаточной мере природу человека, её неспособность в короткие сроки к глубоким внутренним изменениям.

Большевики, объявившие о построении бесклассового общества по лекалам теоретиков научного марксизма столкнулись с неразрешимыми проблемами российской

действительности. В частности, российская деревня по своей природе оказалась неспособной идти по предначертанному марксизмом пути. Фермер, являясь по своей сути частным собственником-индивидуалистом, видел своё будущее только в свободном труде и традиционном укладе жизни. Идею стать сельским пролетарием земледелец воспринял как глубоко чуждую. Не прельщала его перспектива трудиться, пусть и с использованием современной техники, но не на своей земле и без личного распоряжения результатами труда. Пусть и с охватом благами цивилизации в организации колхозного быта, но без самостоятельности в управлении своим временем. Крестьянин хотел быть Хозяином на Своей земле.

Для ликвидации материальной и духовной базы, формирующей частнособственнические воззрения жителей деревни, кроме обобществления крестьянских хозяйств и последующего контроля над распределением продуктов производства, прямых репрессий против инакомыслящих, необходимо было выработать механизмы управления сознанием жителей деревни. На примере церкви большевики хорошо понимали значение данного фактора. Таковыми средствами могли быть массированная агитация и пропаганда. Как показала практика, без тотального контроля над всеми сферами деятельности человека проводить в жизнь установки основоположников учения невозможно. Хуторянин, в качестве обособленного и свободного производителя, не мог быть охвачен влиянием государственной пропагандистской машины. Им нельзя было руководить при помощи административных мер. Для власти это оказалось абсолютно неприемлемо. Вот еще одна причина, по которой следовало провести обобществление средств производства.

В коллективных хозяйствах, когда все люди на виду, не представляет большого труда управлять действиями любого из членов коллектива. Более того, с лёгкостью можно осуществлять контроль и над сознанием людей. Для указанных целей государство содержало на штатной основе мощный идеологический аппарат, подчинило себе средства массовой информации, учреждения народного образования, ВУЗы, книгоиздание и много другое. С этой же целью велась борьба на уничтожение с идеологическим конкурентом – церковью.

Все названные действия преследовали замысел не только удержания и укрепления власти правящей партии, но на данной основе, путём воздействия на умы формировать нового человека. Строить «Город Солнца» по-иному оказалось невозможным. И вот, реализуя замыслы марксистов по переустройству общества, большевистская партия, преодолев ожесточённое сопротивление своего народа и пройдя через связанные с этим кровавые потрясения, потеряв миллионы человеческих жизней, построив нечто похожее на казарменный социализм, в конечном счёте пришла не к победе своих идеалов, а к собственному краху. Как сказал известный французский юрист Антуан Буле де ла Мерт: «Это больше чем преступление, это ошибка». Возможно, наши далёкие потомки пойдут иным, не ошибочным путём и построят справедливое общество более гуманным способом...

Кризис сельхозпроизводства в губернии. Тенденция падения темпов сельскохозяйственного производства в нашей губернии наметилась с середины 20-х годов. Такая техническая культура, как лен, в Демидовском уезде не имела широкого распространения, а имела лишь потребительский характер. Лен – очень трудозатратная культура, требующая применения механизации. Единоличник в тех условиях не смог бы в промышленных масштабах выращивать и обрабатывать его. Данная культура имеет стратегиче-

скую ценность, поскольку лен можно поставлять на экспорт и получать от его продажи валюту. Все это руководство страны понимало, и политика губернского руководства на сотрудничество с крестьянином, а не диктат раздражала центральные органы власти. Не выполнялись плановые показатели и зерновых культур. Губерния была накануне голода.

«Смоленский нарыв». В регионе еще зимой и весной 1928 года продолжали мыслить категориями НЭПа. Учитывая, что Смоленщина на тот момент была наиболее хуторизированной, руководство которой не реагировало на изменяющиеся реалии, центр пошел в наступление. Кампания по разгрому руководства как губернии, так и всех нижестоящих структур получила название «Смоленский нарыв», «Смоленский гнойник», «Смоленское дело». Надо сказать, что были и другие причины почистить территорию. Всего в 1928–1929 годах по «Смоленскому делу» принято пять специальных постановлений ЦКК, ЦК, и секретариата ВКП (б). Указанной эффективной акцией руководство страны подводило черту под политикой НЭПа.

Скандал, потрясший наши места в 1928 году, развился не на пустом месте. В его основе лежали не только экономическое неблагополучие, но продолжавшиеся в течение многих лет коррупция, повсеместное пьянство и круговая порука сверху донизу в руководстве губернии и на местах.

Началось все еще при первом секретаре губкома Д. Дейнеки, а, скорее всего с первых дней установления Советской власти и продолжилось после 1926 года, когда Дейнеку перевели в Москву, при его преемнике Д.Н. Павлюченко.

9 мая 1928 года президиум Центральной Контрольной Комиссии ВКП (б) совместно с Коллегией Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР рассмотрел вопрос «О положении в Смоленской партийной организации». В принятой по данному вопросу резолюции партийный и советский аппарат обвинялись в моральном разложении и сращивании с чуждыми элементами, извращением классово-линей в деревне, отрыве от рабочих масс, зажиме критике, семейственности.

Кампания началась созывом расширенного пленума Смолгубкома и губернской контрольной комиссии совместно с партийным активом губернии 18–19 мая 1928 года, с подачи заместителя наркома РКИ Яковлева Я.А., обрисовавшего картину развала партийной работы, где все дело управления было превращено в «семейное дело кучки разложившихся негодяев». Понятие «коррупция» тогда еще не было распространено так, как сейчас. И вот 1100 делегатов слушали и сами разоблачали друг друга, своих друзей, знакомых, родственников и даже самих себя. Особенно ярким было выступление наиболее осведомленного человека – одного из водителей губкомовского гаража. Его стоит частично процитировать не с целью посмаковать мерзости, но чтобы лучше уяснить, что за люди управляли губернией, а через них и деревней. *«Пьют все, пьют вверху, пьют внизу. Пили губернские партийные работники, пили уездные работники, по всякому поводу пили, и на съездах пили, и чтобы отметить какое-либо событие тоже пили. Дело доходило до такого безобразия, что съезжались на съезд, занимали гостиницу “Интернационал”, где внизу был ресторан, напивались до чертиков и выходили в кальсонах из кабинетов в залу, где были не только проживающие в гостинице, но были и посетители. Приезжали с женами из уездов и напивались до такого безобразия, что путали номера, путали даже жен. Пьянка велась как по расписанию. Встречаем кого-нибудь пьем, провожаем – пьем, получалось беспробудное пьянство...»* Как выразился один из свидетелей по делу: *«Губернская партийная конференция была одной большой*

партией питья водки...» Это что касалось пьянки. Стоит ли расписывать степень коррумпированности и вседозволенности смоленских представителей авангарда рабочего класса и трудового крестьянства. Как же они решали при таком разложении сложнейшие экономические и хозяйственные вопросы губернии? Ничего не знаю, как обстоят дела на Смоленщине сейчас.

Сталинское руководство хотя и осудило коррупцию, пьянство, сексуальное вырождение (один из председателей волисполкома 5 раз в течение года поменял жен), однако выводы оказались относительно мягкими. На этот раз пока никого не расстреляли. Десять бывших руководящих работников разных уровней отданы под суд. Тем не менее, многих руководителей в области и на местах сменили.

Согласно данным, приведенным в работе Merle Fainsoda «Smolensk under Soviet Rule» было исключено из партии 13,1 %, заменили 66 % членов бюро губкома, 76,6 % волк-бюро укомов, 48 % секретарей волкомов, и 44 % всех секретарей первичных партийных ячеек. 13,1 % членов партии было вычищено. Губсуд и губпрокуратура вычищены на 100 %.

Руководство Смоленщины привели к послушанию... Новое руководство предприняло шаги по смягчению основных экономических трудностей. 1 июня 1928 года Борисов, новый Первый секретарь губкома, доложил Сталину о предпринимаемых мерах по исправлению ситуации. Сталин пообещал помочь в хлебном вопросе и попросил Борисова подойти к руководству Наркомторга с просьбой оказания помощи. Борисов также просил Сталина обратить внимание на насущную потребность в новых рабочих кадрах для губернии.

Тем временем чистки продолжались. К концу 1928 года из всей руководящей части, губКК, губисполкома и ГСПС на своих должностях осталось всего 3 человека, из 10 секретарей укомов – 2. К партийной ответственности привлечено 476 коммунистов, из которых исключено из партии 150 человек. Кроме того, частичная проверка партийной организации закончилась для 171 коммуниста исключением и наложением других взысканий для 416 человек.

После приведения к послушанию кучеров предстояло поставить под стремя основную тягловую силу губернии – крестьян. Свободный труд на себя и с пользой для государства заканчивался. Вскоре население на бескрайних просторах СССР будет думать только о «Родине», и лишь потом, также не о себе.

Если читатель думает, будто что-то поменялось после разгрома руководящих штабов, то он жестоко ошибается. Пьянство, взяточничество, воровство, хулиганство руководителей, как партийных так и беспартийных, будет продолжаться и в 30-е годы, и позднее.

Текущая жизнь в уезде. Между тем провинция жила повседневными заботами, впрочем, иногда прерываемая чрезвычайными событиями. Так, зимой 1928 года в волости произошла вспышка тифа. Как хорошо известно, переносчиком заболевания являются вши. Там, где народ терпит бедствие, недоедает, не имеет возможности заниматься личной гигиеной, там возникают очаги болезни. Нищие, странники, переходящие из деревни в деревню, мужики, побывавшие на отхожих промыслах и вернувшиеся домой, также являлись потенциальными носителями всех заразных болезней. Все 1920-е годы были экстремальными в жизни селян. В данном случае власть быстро пришла на помощь населению. Благодаря квалифицированному и оперативному вмешательству медработников очаг эпидемии локализовали. После случившегося врачебный персонал участка начал уделять большее внимание санитарному просвещению населения.

Другой аспект общественной жизни. Для современных жителей Смоленской области наличие почтовых отделений в населённых пунктах является рутиной жизни. Почтовая связь доступна и удобна, но так было не всегда. Вот некоторые сведения об отделениях связи в Демидовском уезде середины 1920-х годов. В 1925 году на указанной территории действовало 11 почтовых товарных контор, почтовых отделений и агентств. В Каспьянской волости почтовое отделение находилось в селе Каспля, а в Иньково и Лойно при сельскохозяйственных товариществах имелись почтовые агентства I разряда, всё это на 1392 населённых пункта. Таким образом, одно учреждение связи обслуживало 127 деревень или, в среднем, 14 292 жителя уезда.

Борьба с самогонварением в деревне. В конце 1927 – начале 1928 года директивными органами государства принят ряд постановлений, резко ужесточивших борьбу с самогонварением. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 января 1928 года за изготовление, хранение и сбыт самогона (аппаратов) предусматривало теперь уже уголовное наказание в виде принудительных работ на срок до 1 месяца или штрафа до 100 рублей. (Ну, разве можно подобными санкциями запугать мужика, тем более, если в общине круговая порука и ни один Аниськин (герой одного из советских кинофильмов) – участковый милиционер, никогда не узнает, кто из жителей, когда и сколько выгнал самогона. Это было свято. Прим. авт.). Деревенский житель знает, какой аромат стоит по всей округе в процессе варки напитка. В 1950-х годах деревня уже не злоупотребляла подобной деятельностью. Хлеба часто не хватало на то, чтобы прожить. Самогон, как правило, изготавливали к какой-либо семейной дате или же религиозному празднику. В таких случаях местные выпивохи подтягивались как бы невзначай во двор места действия и просили: «Кума (сваття, Наста (Настя) и т.д.), ти ни наллешь ты мне сто грамм?» Кума, конечно, наливала.

Вышеуказанная мера правительства сделала жителя деревни разве что более осторожным.

Теперь выгонка зелья происходила не в доме, а где-либо в лесочке или кустарнике, подальше от всевидящего ока власти.

Вообще-то самогонварение в деревне имеет свою, так сказать, историю. Царское правительство в 1914 году ввело «сухой закон». Изготовление спиртных напитков на государственных и частных заводах было запрещено. Но никогда и ни в одном государстве подобный закон не работал с той эффективностью, на которую рассчитывали правительства. Россия не исключение. После государственного переворота в 1917 году большевики продлили его действие. Как и следовало ожидать, результаты оказались отрицательными. В 1925 году по фискальным соображениям закон отменили. Продажа спиртного на Руси всегда составляла значительную часть пополнения бюджета. Здравый смысл восторжествовал. Однако мужик самогон как варил, так и продолжал варить.

«Положение о государственных преступлениях» от 6 июня 1927 года. Смоленская губерния не относилась к хлебопроизводящим регионам, поэтому борьба за большой хлеб здесь не была актуальной. Тем не менее, общесоюзные кампании затрагивали и наши деревни. Против «кулацких» элементов применялись репрессии уголовного порядка. Так, например, статья 105 УК РСФСР, гласившая: *«Нарушение правил, регулирующих торговлю, если в них специально не оговорено преследование в административном порядке, – определять принудительные работы на срок до одного года или штраф до двух тысяч рублей».* Также применялась статья 107 УК РСФСР, в которой указывалось, что *«злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска таковых*

на рынок, наказывается лишением свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев, наказываются лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества».

Правоприменителям на местах санкции, заложенные в данных законах, казались недостаточно жесткими. Тогда высшие судебные и прокурорские органы постарались усилить репрессивные меры. Так, выполняя директивные указания о расширительной трактовке применения статьи 107 УК, руководители областных судебных и карательных органов 19 января 1928 года разослали на места совместный секретный циркуляр, в котором определялся особый порядок возбуждения уголовного преследования и рассмотрения в судах дел против «кулацких элементов деревни» по статье 107 УК. Предлагалось расследование проводить силами ОГПУ в суточный срок. «Для скорейшего рассмотрения дел проводить выездные заседания судов. Слушания проводить без участия обвинения и защиты, допуская исключения только в случае организации показательных процессов. Ни в коем случае не допускать оправдательных или условных приговоров, а также удовлетворения кассационных жалоб по такого рода делам».

В данный период времени власть пока проводила довольно либеральную политику в отношении своих подданных. Сроки лишения свободы еще незначительные. Политика НЭПа до конца не свернута.

Такое положение дел объективно долго продолжаться не могло. И вот III сессией ЦИК СССР 25 февраля 1927 года принимается «Положение о государственных преступлениях». 6 июня 1927 года за совершение контрреволюционных преступлений в УК РСФСР вводится статья 58-1–58-14. Санкции по данной статье устанавливались с максимальным пределом, вплоть до высшей меры наказания. Причем диспозиции данной статьи построены так, что карательные органы могли трактовать ее весьма вольно. Атмосфера в государстве начала накаляться. НЭП резко сворачивался.

Учреждение административно-территориального образования «Каспьянский район». Запретительные меры правительства по переселению на хутора. Выработка критериев понятия «кулачества».

С марта 1929 года проводились подготовительные мероприятия по укрупнению административно-территориальных единиц СССР. Планируется создание Западной области, которая образуется с 1 октября 1929 году с центром в Смоленске. В ее состав вошли территории Смоленской, Брянской, части Калужской, Московской, Тверской губерний, Великолужский округ Ленинградской области. Старая административная система: губерния–уезд–волость ликвидировались; и создавалась новая: область–округ–район–сельсовет.

На территории Западной области образовалось 8 округов, 125 районов и 1161 сельский совет. 1 октября 1930 года округа упразднены.

1 октября 1929 года в составе Западной области образован Смоленский округ, где в числе прочих 18 создан Каспьянский район. На территории вновь организованной административно-территориальной единицы учреждено 27 сельских советов, с населением в 52 тысячи человек. Площадь района составила 1016 квадратных километров. Зарубинский сельский совет, куда отнесена деревня Гвоздевицы, вошел в подчинение данного района. 12 мая 1930 Смоленский округ переименован в Ярцевский округ, а его центр перенесён в город Ярцево. 30 июля 1930 года Ярцевский округ упразднён. Его районы отошли в прямое подчинение Западной области.

В июне 1929 года в селе Каспля состоялось организационное заседание райкома партии. Секретарем РК избран т. Шубаров С. Первыми шагами руководства еще не до конца созданного административно-территориального образования стало сворачивание предыдущих наработок всех областей сельскохозяйственного строительства. 7 июня 1929 года по результатам рассмотрения текущих вопросов земельной политики Оргбюро ЦК Западной области приняло резолюцию. Резолюция озаглавливалась: «О заперещении выдела на хутора – отруба и мелкие поселки при землеустройстве в текущем году».

Отмечено, что «в Западной области в особенности по бывшей Смоленской губернии, Великолукскому и Ржевскому округам, громадная масса крестьянских хозяйств ведется по хуторской системе землепользования, что фактически приводит к большому раздроблению, к сохранению отсталого способа ведения сельского хозяйства и создает трудности в подъеме урожайности и в развитии коллективизации этих хозяйств и учитывая, что деревенская беднота, живущая на хуторах, выдвигает в ряде мест требования по объединению их хозяйств в колхозы и поселки (вот откуда, оказывается, пошли инициативы «по просьбе трудящихся». Прим. авт.).

1. Признать совершенно недопустимым под каким бы то ни было видом (окончание уже начатых землеустроительных работ, самовольные выходы при переделах и при переходе с отрубов на хутора и связанном с этим переносом построек и т.п.) выдел новых хуторов и отрубов при проведении землеустройства в текущем году в области и всемерно поддерживать тягу бедняцких и маломощно середняцких хозяйств к объединению в колхозы и крупные поселки.

2. Предложить фракции Оргкомитета ВЦИК и Облзу пересмотреть землеустроительные работы по округам на текущий операционный год с тем, чтобы совершенно были исключены из этих планов работы по выделу на хутора и отруба и разработать конкретно мероприятия по объединению хуторских хозяйств в колхозы и поселки.

3. Обязать Окрпарткомиссии мобилизовать внимание и активность общественных организаций советских (особенно земельных) и кооперативных учреждений, печати Округов и районов вокруг вопросов перехода от хуторской и отрубной системы к коллективной и поселковой...»

Таким образом, медленно, но неотвратно наступают времена, когда уже обустроившиеся на новых местах земляки, а таких более 70 % от числа жителей деревни, будут перетаскивать свои избы на прежние места.

В период НЭП государство использовало «контрактацию» как способ заготовки сельскохозяйственной продукции, в том числе технических культур. Данный способ рассматривался как предварительное соглашение между крестьянином и государством. Под законтрактованные посевы крестьянин получал кредиты деньгами и товаром. Это было равноправное партнерство. Выгоды получали обе стороны. В 1928–1929 годах наступил слом системы отношений. Теперь контрактация стала представлять форму принуждения сельского жителя к передаче государству части урожая по низким ценам. Правда, у нас и брать особенно было нечего.

15 февраля 1928 года газета «Правда», еще вчера отрицавшая наличие кулачества, впервые публикует материалы, изобличающие их, сообщая о тяжелой ситуации на селе и повсеместном засилии на местах богатого крестьянства, которое обнаруживается не только на селе, эксплуатируя бедноту, но и внутри самой партии, руководя рядом коммунистических ячеек. Публикуются сообщения о вредительской деятельности кулачества – ра-

зоблачения о том, как кулацкие элементы в должности местных секретарей не пускали бедноту и батраков в местные отделения партии.

Тон парторганизациям страны задала директива, принятая на Политбюро ВКП(б) 5 января 1928 года и подписанная Иосифом Сталиным: *«Темп работы местных организаций недопустимо медленный, спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскочался, ...рычаги власти и партии не приведены в движение... Крестьяне-коммунисты, советский и кооперативный актив не продали всех своих излишков, совхозы и колхозы также не весь товарный хлеб вывезли...»* Все это, оказывается, свидетельствовало о забвении местными организациями «основных революционных обязанностей перед партией и пролетариатом».

С этого момента Центр, а следом область, район и сельсовет будут говорить с нижестоящими звеньями управления языком фронтовых приказов. Крайним звеном, как водится, станет мужик. После ликвидации оппозиции и разных уклонов ВКП (б) из политической партии стала превращаться в организацию командно-репрессивной системы.

Тогда же была поставлена задача по борьбе с кулаком. Уместно отметить, что слово «кулак» родилось в крестьянской среде во время революции и Гражданской войны. Обозначалось этим словом осуществление уравнительных устремлений крестьянства путем частичной экспроприации средств производства и передачи их обедневшим, разорившимся в годы войны хозяйствам. С переходом к НЭП данное слово вышло из употребления. Новыми гранями оно засияет после речи Сталина 27 декабря 1929 года, где будет говориться «о ликвидации кулачества как класса».

Несмотря на громы и молнии, метаемые в их сторону в данный период времени правительство еще не определилось: кто такие кулаки? Пока разговор шел о фантомах. Местная власть, руководствуясь классовым чутьем, должна была сама решать, кого записать в данную категорию. В деревнях вопрос часто решался принципиально. Если ты пьешь самогонку, например, с председателем сельсовета, то ты не кулак, пусть даже используешь труд батраков. Это не ерничанье, сводки ОГПУ того периода свидетельствуют об этом.

Преобразования, намеченные партией и правительством, разбивались о вековые устои. И тут ничего нельзя было поделывать.

Четкое определение понятия «кулак» как категории крестьянства появилось в Постановлениях СНК РСФСР от 22 марта 1929 года и от 21 мая 1929 года «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде».

Кулацкими отныне должны были считаться те хозяйства, которые:

а) систематически применяли наемный труд, за исключением тех случаев, когда, согласно законодательству о выборах в советы, применение наемного труда не влекло за собой лишение избирательных прав;

б) имели мельницы, маслобойки, крупорушки, просорушки, волночесалки, шерсто-битки, терочные заведения, картофельные, плодовые сушилки;

в) имеющие промышленные предприятия с применением механического двигателя;

г) если в хозяйстве имелась водяная или ветряная мельницы с двумя или более поставами;

д) систематически сдающие в аренду сложную с/х технику с механическими двигателями;

ж) сдающие в аренду постоянно или на сезон помещения, оборудованные под жилье или предприятие;

з) занятые торговлей, ростовщицеством, коммерческим посредничеством или получением других нетрудовых доходов.

Кодекс законов о труде полностью применялся к хозяйствам, подпадающим хотя бы под один из признаков, при размере дохода более 300 руб. на едока, но не менее 1 500 руб. на хозяйство.

Облисполкомам предоставлялось право видоизменять признаки в зависимости от местных условий. Исполком Западной области впоследствии воспользуется данным правом. А пока на 1929 год обком партии установил квоты на отлов кулаков. Их должно быть по волости от 2,5 % до 3,5 % общего числа хозяйств. И когда находили всего 1 % кулацких хозяйств, то из округа раздавалось: «Мы вами недовольны!» Одновременно задавалась контрольная цифра и для количества бедняцких хозяйств. Она должна составлять приблизительно 31 %. Если же бедняков было 29 %, то это тоже считалось недостаточным. Надо ли говорить, какие безобразия, злоупотребления и преступления волной пошли на классовой почве.

Один из уполномоченных ОГПУ «мобилизовал» народных следователей района, начальника административного отдела и даже народного судью на «изъятие» кулаков. На каждого кулака следовало возбудить уголовное дело по ст. 58-10 УК РСФСР. Без выполнения задания велел не возвращаться, в противном случае грозил отправить в деревни не выполнивших план в количестве 28 уголовных дел, еще раз и держать их там до тех пор, пока они не выполнят указание. Народному судье предписывал немедленно выезжать в поселения для рассмотрения дел. С прокурором тоже не вожжался, приносил в полночь дела на просмотр, так как утром их необходимо везти было в город. Правда, сам уполномоченный, кажется, пошел под суд за злоупотребление служебным положением. Но данный случай показывает, насколько выросла власть органов ОГПУ. Однако все это были пока что первые и отдельные эксцессы.

Административный отдел Каспьянского райкома несколько позднее, в 1931 году, просил Западный обком партии отстранить от должности народного судью товарища А. «... за нечуткое отношение в судебной политике и “право – левацкую”!!! практику, проводимую в работе суда». Представляется, что требование райкома было необоснованным, так как работник обладал редким качеством, мог одновременно проводить «левацкую» и «правую» линию партии в деле правосудия. Если бы отрихтовать его немного, то цены бы данному судье не было.

Начало коллективизации. 1929 год, май–июль – V съезд Советов СССР утвердил пятилетний план развития народного хозяйства на 1928/29–1932/33 годы, включая проведение коллективизации сельского хозяйства.

С весны 1929 на селе проводились мероприятия, направленные на увеличение числа коллективных хозяйств – в частности, комсомольские походы «за коллективизацию». В РСФСР был создан институт агроуполномоченных. Согласно Положению о них – должны были избираться общими собраниями членов земельных обществ из числа местных активистов, комсомольцев, батраков. Фактически, уполномоченные назначались райкомами или сельсоветами. И вот с наганами и блокнотами в карманах – мечом и крестом, иными словами, представители партии двинулись в гущу крестьянства с целью обеспечить всеобщую и полную коллективизацию, а заодно уничтожить кулака как «класс».

Агроуполномоченными становились как из карьерных соображений, так находились и идеалисты, свято верившие, что своей работой приближают светлое будущее. Для

большинства из них публичная работа открывала, возможность как бы вырваться из мрака деревенского быта. ВКП (б) своими установками освобождала этих людей и от совести и от сострадания к ближним, от других христианских ценностей.

Насилие над жителями села стало нормой в проведении земельной революции сверху. Столыпин со своей политикой материальной заинтересованности и кропотливой работой с крестьянами скоро будет отдыхать. В партию рекрутировались только «железные люди». Но даже и те, кто не состоял в ВКП (б), но состоял на руководящей работе, попадали на крючок разного рода привилегий, предоставляемых за образцовое выполнение директив. Наконец, для многих работа во власти предоставляла возможность просто что-то украсть и сытно, безбедно пожить. Многие из этих людей одинаково успешно станут как полицаями в годы будущей войны с Германией, так и добровольцами расстрельных команд на фронтах войны, когда нужно было казнить своих товарищей по приговорам военных трибуналов.

Никто не будет считать автора данных строк клеветником, если прочтет работу Merle Fainsod «Smolensk under Soviet Rule», основанную на документах «Смоленского партийного архива» или документы данного архива. Если кто-то, не прочитав книгу, будет утверждать, что это антисоветское произведение, то спешу уведомить – ничего антисоветского там нет. Это научный труд, достаточно непредвзятый по своей сути. Но, может, нам не хочется смотреть в зеркало и видеть там свое отражение? Если это так, то значит – история нас ничему не научила.

Зажиточная часть деревни чувствовала связанную с коллективизацией опасность. Учащались эксцессы на этой почве. Вот содержание одного из донесений Зам. П/П ОГПУ по Запобласти в Информотдел ОГПУ г. Москвы.

«О покушении на бедняка-колхозника».

27 августа с.г. в деревне Перегоречье Каспьянского района Смоленского округа, кулак Б. совершил покушение на колхозника-бедняка Л. Совместно с другими лицами, ранее им подкупленными. Указанные лица на Л. набросились с криками “бей колхозника”, начав его избивать. Подоспевший случайно гражданин помешал кулакам окончательно совершить расправу. Причины нападения следующие: в начале августа с.г. в дер. Перегоречье организовалась с.х. артель “Красное Знамя” из бедноты, организатором был Л. Зажиточная часть во главе с Б., узнав об организации артели, всеми возможностями стала препятствовать, созывала бедноту, записавшуюся в артель, и спаивала ее водкой, советуя бросить организацию колхоза. Часть членов вышла из артели, но когда Л. возбудил ходатайство о присылке землеустроителя, Б. собрал у себя в доме подкулачников, где постановил убить Л., подкараулив его вечером. Б. арестован. Для производства дознания на место выехал наш сотрудник...»

Зам. п/п ОГПУ по Запобласти Давыдов.

Честно говоря, трудно поверить, что это нападение и избиение, приостановленное случайным прохожим, действительно имело целью запланированное убийство. В описании не указывается ни орудие покушения, ни тяжесть телесных повреждений, полученных потерпевшим. Хотя, конечно, могла идти речь и о покушении на убийство. Сколько будет удавшихся покушений, а уж поджогов...

Из оперативно-информационной сводки Отдела уголовного розыска Западной области за сентябрь 1929 год: *«В ночь на 12 сентября с.г. сгорел овин с хлебом, около 400 пудов, принадлежащий Каспьянской сельхозартели Каспьянского района. Выбывший на место происшествия милицией за овином были обнаружены следы человеческих*

ног. Произведенным осмотром и агентурной разработкой было установлено, что проживающий рядом с артелью кулак – бывший заводчик кожевенного производства П. должен был снести свои постройки, и земля его отходила под артель. Имеющимся в дознании материалом выяснялся поджог на почве классовой мести со стороны противников колхозного строительства. По делу задержаны гр-не дер. Агопоново, того же района Г., К., Н.К. и П. Дознание передано в ОГПУ».

Поджоги – самая распространенная форма протеста сельского населения. Так было во все времена и в рассматриваемый период также. Да и личные счеты сводить смоленский мужик привык с помощью поджогов в том числе.

Автор данных строк далеко не Михаил Шолохов и не ставил цель написать новый «Тихий Дон» или «Поднятую целину». К сожалению, этот великий писатель родился не в наших местах. Здесь он тоже нашел бы подходящий материал для своих произведений. История коллективизации на Смоленщине также полна драматизма и только ждет Большого художника слова. Может быть, такой художник и жил в здешних краях, но так и не проявил свой талант, остался втуне. Коммунистическая власть не любила шибко умных, если они ей не служили. Михаил Шолохов – явное исключение, может быть, еще и потому, что не срывался с поводка.

В настоящей работе предпринята попытка осветить лишь небольшие фрагменты тектонического сдвига перевернувшего сознание, быт, судьбы многих десятков тысяч людей, проживавших на этих скудных землях.

5 июня 1929 года Постановление СТО СССР «Об организации машинно-тракторных станций» установило обязательное привлечение средств крестьянского населения на строительство МТС.

Массовое истребление крестьянами домашнего скота. Осень 1929 года – начало массового истребления крестьянами скота в связи с принудительной коллективизацией. Следом за резолюцией Оргбюро ЦК Западной области незамедлительно следуют практические меры. Начинают организовываться колхозы. Начинают с бедняков. С тех, кому нечего терять. У них ничего нет. Но мужик не дурак, хоть и бедный. Идет в колхоз с надеждой, что вдруг власть окажет какую-либо поддержку продовольствием или инвентарем. Тут вспоминается что-то из фольклора: «Пошли за шерстью, а вернулись стриженные». Ну, это забегая немного вперед. Придет время, постригут всех: и бедных, и богатых. И вообще, у большевиков опоры в деревне не было, за исключением бедняцкого слоя. Только их руками можно было претворять в жизнь планы по переустройству общества. Значения не имело бедняк в силу чего – в силу лени, пьянства, неумения вести хозяйство или же слабого состояния здоровья работников, наличия большой семьи с нетрудоспособными членами, а поэтому маломощности хозяйства. Если бедняк по причине лени и пьянства – это даже лучше. Разжигались низменные человеческие инстинкты. Во всем виноват «кулак»-кровопийца. Это он довел деревню до нищеты. Когда не будет кулака, жизнь станет прекрасна и удивительна! Такой лозунг читался на знаменах того времени. Бедняки из люмпенизированного слоя деревни охотно повелись на посулы комиссаров. Стало возможным, безнаказанно ограбив ближнего, получить, например, добротный полубубок соседа или хорошего качества спальную кровать, да что угодно. Так разделяя и властвуя, коммунисты получили контроль над деревней. А контроль был необходим. После победы в Гражданской войне первейшим врагом партии стало независимое крестьянство.

На выборах в сельские советы, состоявшихся в начале 1929 года, статус бедняка значительно чаще, чем когда-либо прежде, служил наилучшей рекомендацией для выдвижения кандидата.

Проведение хлебозаготовок в Касплянском районе. Газетная статья И. Сталина «Год Великого перелома». В нашем районе, с жителей которого и взять-то было нечего, все же умудрялись проводить хлебозаготовки. Происходило это одновременно с коллективизацией и «ликвидацией кулачества как класса». 7 октября 1929 года исполком Западной области вынес решение о формировании в районах «красных обозов» с хлебом. В порядке контроля о проделанной работе уполномоченное лицо 19 октября доложило в обком ВКП(б): «Во исполнение постановления пятерки по хлебозаготовкам от 7.10.29 г. прот. № 6 я проверил вторично работу Смоленского Оккрадмтдела об оказании содействия хлебозаготовительным органам и борьбы с лицами, срывающими дело хлебозаготовительным органам и борьбы с лицами, срывающими дело хлебозаготовок, и уклоняющимися мельниками от сдачи гарнцевого сбора.

Наиболее характерные результаты по заготовкам приведены ниже:

1. Касплянский район. Работа по хлебозаготовкам началась с 5 октября с.г. Поступило два красных обоза с хлебом 700 пудов, тормоз в работе создан неправильным подходом уполномоченных по проведению кампании, которые вместо того, чтобы заняться выкачкой излишков от кулаков и зажиточного слоя деревни, сделали разверстку хлеба на все население. Для проверки их работ на места посланы другие уполномоченные. Дел заведено: а) на одного хлебного спекулянта по ст. 107 УК и назначено к слушанию в суде на 10 октября с.г., б) на двух индивидуалов-мельников, имеющих крестьянское хозяйство, по ст. 61 УК. Кроме общей мельницы, они имеют по одной корове и одной лошади, в) на одного мельника за несдачу гарнцевого сбора 250 пудов хлеба, г) на хлебозаготовителя Касплянского О.П.–Г. на срыв хлебозаготовок по ст. 109 УК».

Осень–зима 1929 года – начало насильственной сплошной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса».

7 ноября 1929 года в газете «Правда» № 259 опубликована статья Сталина «Год Великого перелома», в которой 1929 год был объявлен годом «коренного перелома в развитии нашего земледелия»: «Наличие материальной базы для того, чтобы заменить кулацкое производство, послужило основой поворота в нашей политике в деревне... Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Эта статья признана большинством историков отправной точкой «сплошной коллективизации». По утверждению Сталина, в 1929 году партии и стране удалось добиться решительного перелома, в частности, в переходе земледелия «от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику, наконец, к гигантам-совхозам, вооружённым сотнями тракторов и комбайнов». Свое утверждение Сталин подкреплял прогнозом на 1930 год. Посевная площадь колхозов и совхозов должна возрасти с 6 млн га до 18 млн га, а их товарная продукция с 21 млн ц зерна до 67 млн ц и составить более половины количества зерна, даваемого деревней. На селе насильственные хлебозаготовки, сопровождавшиеся массовыми арестами и разорением хозяйств, привели к мятежам, количество которых к концу 1929 года исчислялось уже многими сотнями. Не желая отдавать имущество и скот в колхозы и опасаясь репрессий, которым подверглись зажиточные крестьяне, люди резали скот и сокращали

посевы. Насилию предшествовала, конечно, разъяснительная работа, хотя агитаторы плохо представляли, как должен выглядеть колхоз. Больше того, что такое колхоз, имели смутное представление сами руководители партии и государства.

Конечной целью проводимых реформ являлось выкачивание продовольствия из деревни, а в какие организационные формы выльется изъятие сельскохозяйственного продукта, должна была показать жизнь.

Страх перед угрозой, которую несла коллективизация традиционному укладу крестьянской жизни, выражала настоящая эпидемия рассказов в наших деревнях о том, что все колхозники будут спать под одним одеялом, что жены у них будут общие, что колхоз «сошьет одну ватную курточку на всю семью и заставит ходить в ней, как арестантов» и т.д. Отголоском указанных слухов были и суждения моей бабушки уже в 50-х годах о том, что коммунисты рано или поздно добьются обобществления всего, о чём сказано выше.

Тем временем ноябрьский (1929) пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в котором отметил, что в стране начато широкомасштабное социалистическое переустройство деревни и строительство крупного социалистического земледелия. В постановлении было указано на необходимость перехода к сплошной коллективизации в отдельных регионах. На пленуме было принято решение направить в колхозы на постоянную работу 25 тыс. городских рабочих для «руководства созданными колхозами и совхозами» (фактически их число впоследствии выросло чуть ли не втрое, составив свыше 73 тыс.).

Созданному 7 декабря 1929 года Наркомзему СССР под руководством Я.А. Яковлева поручено «практически возглавить работу по социалистической реконструкции сельского хозяйства, руководя строительством совхозов, колхозов и МТС и объединяя работу республиканских комиссариатов земледелия».

Великие страсти кипели в хлебопроизводящих районах, там, где плодородные земли, где развито земледелие и скотоводство, туда было направлено острие удара новой политики. Мужики же наших деревень все еще находились на хуторах.

Крестьянскую мечту тех лет хорошо выразил поэт Смоленщины А.Т. Твардовский в своей поэме «Страна Муравия»:

*И в стороне далекой той –
Знал точно Моргунок –
Стоит на горочке крутой,
Как кустик хуторок.
Земля в длину и ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та – твоя.
И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошёл – покашивай,
Поехал – поезжай.
И всё твоё перед тобой,
Ходи себе поплёвывая.
Колодец твой и ельник твой,*

*И шишки все еловые.
Весь год – и летом, и зимой –
Ныряют утки в озере.
И никакой, – ни боже мой, –
Коммунии, колхозии.
И всем крестьянским правилам
Муравия верна.
Муравия, Муравия!
Хорошая страна!...*

А. Твардовский «Страна Муравия».

Источники, использованные в работе:

1. Материалы Смоленского областного государственного архива.
2. Материалы Центра документации новейшей истории Смоленской области.
3. Трагедия Советской деревни. Под редакцией В. Данилова. Тома 1, 2.
4. Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД. Сборник документов. Том 2.
5. Сергей Максудов. «Неуслышанные голоса». Книга первая. ARDIS/ANN ARBOR. 1987 г.
6. Сборник работ «Сталинизм на Смоленщине». 1995 г.
7. Материалы «Смоленского партийного архива». Микрофильмы.
8. Материалы газеты «Смоленская деревня» за 1922–1929 годы.
9. Материалы газеты «Рабочий путь» за 1921–1929 годы.
10. Шейла Фицпатрик. «Сталинские крестьяне». Пер. с английского – М.: РОССПЭН. – 2001.
11. Merle Fainsod «Smolensk under Soviet Rule». Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1958. Library of Congress Catalog Card Number 58-10407. Printed in the USA.
12. А.Т. Твардовский. Поэма «Страна Муравия». Интернет-издание.